ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

К. С. Панченко
И. С. Маслов

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Учебное пособие

Воронеж
2025

УДК 316.77:316.624:343.92
ББК 60.521.2+60.524.258+67.071
П16

Рецензенты:

М. М. Буслов – начальник отделения НЦБ Интерпола ГУ МВД России по Воронежской области, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции;

С. С. Нехорошева – инспектор по особым поручениям отдела кадров управления по работе с личным составом ГУ МВД России по Воронежской области, кандидат юридических наук, майор полиции.

П16 **Панченко Кирилл Сергеевич.**
Молодежный экстремизм в сетевом обществе : учебное пособие / К. С. Панченко, И.С. Маслов. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2025. – 114 с.
ISBN 978-5-00229-244-8

Учебное пособие «Молодежный экстремизм в сетевом обществе» представляет собой комплексное исследование проблемы радикализации молодежи в условиях цифровизации и развития интернет-коммуникаций. Пособие раскрывает теоретико-правовые основы понимания экстремизма как социально-правового явления, анализирует концепцию сетевого общества как новой формы социальной организации, где цифровое пространство определяют взаимодействие индивидов и групп, и исследует специфические характеристики молодежного экстремизма в виртуальной среде, включая механизмы радикализации через социальные сети и распространение идеологических конструктов через цифровые платформы.

УДК 316.77:316.624:343.92
П-74-64(I)-25 ББК 60.521.2+60.524.258+67.071

ISBN 978-5-00229-244-8 © Воронежский институт МВД России, 2025
© Панченко К.С., Маслов И.С., 2025

Оглавление

Введение 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА 6
§ 1.1. Понятие и основные характеристики сетевого общества 6
§ 1.2. Цифровое пространство (цифровая среда) как социально-правовой феномен 17
ГЛАВА 2. МОЛОДЕЖЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ 27
§ 2.1. Молодежь как специфическая социально-правовая группа 27
§ 2.2. Цифровая социализация молодежи 35
ГЛАВА 3. ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА 41
§ 3.1. Понятие и признаки экстремизма 41
§ 3.2. Социально-психологические основы экстремистского поведения 56
ГЛАВА 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ 66
§ 4.1. Экстремизм в сети Интернет как новая форма поведения 66
§ 4.2. Механизмы онлайн-радикализации молодежи 80
Заключение 87
Список литературы 89
Тестовые задания 99

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество переживает масштабную коммуникативную трансформацию, темп и направления которой в значительной мере определяются процессом цифровизации. Технологии меняют ряд важных параметров социального взаимодействия, модернизируется и система правового регулирования[1].

Внедрение электронно-цифровых технологий не просто увеличивает объем информационных потоков, а создает принципиально новую социальную морфологию, где доминирующие процессы выстраиваются вокруг сетей[2]. Происходит размытие пространственно-временных границ, децентрализация управления и формирование «культуры виртуальности»[3], при которой цифровая среда становится новым пространством обитания, пронизывающим все экономические, политические и духовные сферы жизни общества[4].

Молодежь выступает самой массовой и активной частью интернет-аудитории для которых сетевые коммуникации стали неотъемлемой частью жизни. Согласно статистическим данным, предоставленным ВЦИОМ, молодые люди, по их собственным оценкам, на различных цифровых платформах проводят около девяти часов в течение дня[5]. Пользователи сети ищут ответы на вопросы, удовлетворяют потребности в общении и самовыражении, экспериментируют с идентичностью.

При этом в цифровой среде традиционные институты (семья, школа) утрачивают монополию на формирование мировоззрения, уступая место стихийной киберсоциализации[6], основой которой выступает контент, взаимодействие пользователей с ним и друг с другом. Новыми возможностями коммуникации (социальные сети, форумы, мессенджеры, блоги и видеохостинги) пользуются и радикалы, оказывая деструктивное и манипулятивное воздействие в особенности на молодых людей в силу их психологической незрелости.

---

[1] Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н.Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др.; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. Москва, 2023. 244 с.

[2] Хуторной С.Н. Киберпространство и становление сетевого общества: дис. … канд. филос. наук. Воронеж, 2013. С. 11.

[3] Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000. 608 с.

[4] Брун О.Е. Развитие теорий социальных сетей: от локального к глобальному социуму: дис. … канд. социол. наук. Москва, 2012. С. 76.

[5] Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи : аналит. обзор / ВЦИОМ. Москва, 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 11.11.2025).

[6] Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. … канд. социол. наук. 2018. С. 72.

Меняется структура преступных организаций, в том числе и экстремистских. На смену жестко иерархичным группировкам приходят дисперсные, децентрализованные сетевые структуры, обладающие высокой степенью экстерриториальности и анонимности.

Главная угроза этой трансформации заключается в том, что радикализация, начавшаяся в сети «Интернет», непредсказуемо и спонтанно возникает в офлайн в виде физического насилия, массовых беспорядков и террористических актов[7].

Согласно статистическим данным, предоставленным на сайте МВД России, в январе – октябре 2025 года отмечается рост на 65,6% зарегистрированных преступлений террористического характера (4927) и рост на 20,1% преступлений экстремистской направленности (1950)[8].

Все вышеуказанное отражает актуальность данного учебного пособия.

Настоящее учебное пособие позволит при его использовании сформировать у обучающихся целостное представление о трансформации экстремизма в условиях сетевого общества, развить навыки распознавания деструктивного онлайн-контента, оценки правовых рисков сетевой активности молодежи и осмысления пределов допустимого поведения в цифровой среде.

Структура пособия выстроена таким образом, чтобы обеспечить поступательное движение от общетеоретических основ к прикладным вопросам правоприменения. В первой главе раскрываются теоретико-методологические основания концепции сетевого общества и цифрового пространства. Во второй рассматриваются молодежь как специфическая социально-правовая группа и особенности ее цифровой социализации. Третья глава посвящена понятию, признакам и социально-психологическим основаниям экстремизма. В четвертой анализируются трансформация экстремизма в сети Интернет и механизмы онлайн-радикализации молодежи.

---

[7] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 12.

[8] Состояние преступности в России за январь-октябрь 2025 года // МВД России https://мвд.рф/reports/item/73314953/ (дата обращения: 01.11.2025).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

§ 1.1. Понятие и основные характеристики сетевого общества

В настоящее время сетевое общество рассматривается как современная социальная структура, в которой решающую роль играют информационные потоки, глобальные сети коммуникаций и символы, формирующие новые формы идентичности, власти и социального действия. В этих условиях молодежный экстремизм трансформируется, приобретая особую устойчивость и динамику, поскольку сетевые пространства становятся средой социализации, а также каналом быстрого распространения радикальных идей.

Генезис сетевой парадигмы, согласно некоторым взглядам, берет начало с математических основ, заложенных математиком Леонардом Эйлером в 1735 году. Эти основы были заложены при решении задачи о семи кенигсбергских мостах, что стало началом теории графов[9]. Важной вехой в развитии этой теории стала середина прошлого столетия, когда венгерскими математиками Эрдешем и Реньи была создана теория случайных графов, ставшая основным направлением изучения сетевых структур вплоть до конца XX в.[10]

Впервые о сетевой структуре с позиций социальной философии заговорил Георг Зиммель, писавший о ней в контексте социальных отношений, анализируя процессы влияния урбанизации на формирование разных типов взаимодействия между индивидами[11].

В гуманитарные науки сетевой подход стал проникать в XX веке. Так, в 30-х годах XX в. американский ученый Якоб Морено исследовал взаимосвязи между людьми с помощью социограмм – визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними в виде линий[12].

В дальнейшем социологом в середине XX века Джоном Барнсом в научный оборот вводится термин «социальная сеть» в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе», вышедшей в сборнике «Человеческие отношения». Исследование проводилось в западной Норвегии в 1952-1953 годы. В фокусе его внимания было местное

---

[9] Граф – это математическая структура, которая используется для моделирования связей между различными объектами. Граф состоит из вершин и ребер, которые их соединяют. С помощью графов изображают сложные связи, для которых не подходят другие способы визуализации. Например, с помощью графа можно показать карту социальных связей человека, в которой вершинами будут люди, а ребрами – взаимоотношения.

[10] Мажорина М.В. Право сетевого общества и проблема управления гибридностью // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9(166). С. 108-118.

[11] Фролова А.С. Сетевое общество и идеологическое пространство России: специфика взаимовлияния и протекания сетевых процессов: дис. … канд. филос. наук. 2015. 181 с.

[12] Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

рыболовное сообщество. Подводя итоги проделанной работы Дж. Барнс разделяет социальные отношения на три категории: относительно стабильные формальные организации, служащие большому числу разнообразных целей, нестабильные сообщества, занимающиеся рыболовством, и межличностные связи, объединение которых формирует социальную сеть, служащую основой восприятия классов. В ситуациях, связанных с рыболовством, приказы отдаются и выполняются, тогда как в социальном же окружении решения вырабатываются общими усилиями, осторожно и непрямым образом[13].

Далее развитие концепции происходило в рамках теорий постиндустриального общества, в частности, разрабатываемых Дэниелом Беллом и Аленом Туреном. Так, Д. Белл отмечает, что постиндустриальное общество представляет собой новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему точно так же, как она сама вытеснила когда-то аграрную. При этом понятие «постиндустриальное общество» представляет собой не эмпирическое описание, а «теоретическое построение», позволяющее увидеть главное в новых социальных формах. Постиндустриальные тенденции, не заменяя прежние социальные формы, часто сосуществуют как порой сосуществуют на пергаменте старые полустертые письмена и нанесенные поверх них новые, усложняя общество и природу его социальной структуры[14].

Постиндустриальный тип социальной организации характеризуется как деятельность, связанная в первую очередь с обработкой данных, управлением и информацией. Это образ жизни, который во все возрастающей степени сводится к взаимодействию людей друг с другом, в отличие от двух предшествующих типов (доиндустриального, индустриального), где труд характеризуется взаимодействием с природой или машинами.

По мнению Д. Белла осевым принципом постиндустриального типа становится центральная роль теоретических знаний, базирующаяся на экономике услуг, где приоритет отдается здравоохранению, образованию, социальным службам и профессиональному анализу[15]. Благодаря развитию телекоммуникаций физическое расстояние перестает играть решающую роль, и рынок трансформируется в глобальную сеть, позволяющую совершать операции мгновенно[16].

Подвержена изменениям и природа социальных конфликтов. Д. Белл указывает на то, что постиндустриальное общество является также коммунальным обществом, где социальной единицей выступает скорее

---

[13] Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

[14] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. М., 2004. 788 с.

[15] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. М., 2004. С. 7.

[16] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. М., 2004. С. 11.

отдельное сообщество, нежели индивид, и целью ставится достижение «социального решения», отличного от простой суммы индивидуальных решений.

Участие становится необходимым элементом сообщества, но, когда слишком много групп хотят слишком многих вещей и не готовы к переговорам и торгу, результатом становится нарастание конфликтных и неразрешимых ситуаций. Остается выбор между политикой консенсуса или политикой тупика. Общественная жизнь становится сложнее, поскольку множатся политические требования и гражданские права, быстрота социальных перемен и изменений норм поведения шокирует старшее поколение, а ориентация на будущее стирает традиционные ценности и моральные устои.

Постиндустриальное общество характеризуется по Д. Беллу, борьбой между профессионалами и массой как внутри организаций, так и внутри сообщества. Дополнительными точками конфликтности выступают чрезмерная бюрократизация «власть правил», ограниченность и распределение государственных ресурсов, разрушающаяся связь между культурой и социальной структурой, когда первая становится все более антиинституциональной и антиномичной, а вторая ориентируется на функциональную рациональность и меритократию[17].

Таким образом, идея Д. Белла заключается в том, что переход к постиндустриальному обществу означает смещение центра социальной и политической жизни от производственных отношений к сфере информационно-сервисной деятельности, где ключевыми становятся знания, управление и распределение дефицитных ресурсов. В этих условиях социальные конфликты все чаще разворачиваются вокруг вопросов доступа к услугам, качеству общественной среды и способности отдельных сообществ влиять на принятие социального решения, что усложняет институциональную и правовую регуляцию общества.

В свою очередь А. Турен, развивая данный подход предложил концепцию «программированного общества», суть которой заключается в способности общества воздействовать на самого себя, создавая собственные модели управления, информации и потребления[18]. Согласно автору таким образом общество воспроизводит самого себя с помощью совокупности культурных, познавательных и этических моделей, благодаря которым коллектив строит свои отношения с окружением и конструирует социальную реальность. В отличие от традиционных обществ, программированное общество полностью секуляризовано и не ищет оправдания своим действиям во внешних силах. Оно осознает себя как чистый продукт собственного действия[19].

По мнению А. Турена, переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят в большей степени не

---

[17] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. М., 2004. 788 с.

[18] Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 86.

[19] Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 14.

материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления.

Особенность социального конфликта в программированном обществе заключается в том, что господствующие группы в нем контролируют, по сути, все ключевые области социальной жизни, лишая подчиненные классы устойчивой социальной и культурной автономии. Таким образом, они вынуждены противостоять социальному господству от имени того, что единственно еще от него ускользает, то есть от имени природы. Отсюда, согласно позиции А. Турена, важность экологического направления, апеллирующего к жизни против продуктивизма, загрязнения, против угрозы ядерного заражения. Этим же автор объясняет природу движений протеста, которые опираются не на социальный, а на биологический статус (женственность, молодость, старость, принадлежность к этнической группе и даже в какой то мере принадлежность к локальной или региональной культуре, в той степени, в какой, например, язык не может интерпретироваться как простой продукт общества, так как один и тот же язык может быть использован коллективом на разных уровнях его экономической и общественной организации).

Подобные действия могут привести к отказу от современного общества, если они не объединяются с действиями, продиктованными волей употребить современные технику и науку на пользу контрмодели социальной и политической организации на другом онтологическом основании. В программированном обществе центральным пунктом[20] протеста и требований является «счастье», то есть образ такой организации общественной жизни в целом, который определен в зависимости от потребностей, выраженных самыми разными индивидами и группами[21]. Автор подчеркивает, что область социальной борьбы не определяется в программированном обществе так же отчетливо, как в предшествующих обществах.

Исключительная масштабность и сила социальных конфликтов в программированном обществе оборачивается также их слабостью, ибо повсеместное распространение конфликтов лишает их также центрального конкретного пункта. Огонь может вспыхнуть повсюду, но общество кажется менее задетым, чем до большого пожара. Может быть, поэтому становление конфликтов и общественных движений в таком обществе очень зависит от вмешательства политических партий или от кризиса государства[22].

Таким образом, по Турену, ключевым полем конфликтов в постиндустриальному обществе становится управление культурными и информационными программами, то есть борьба за контроль над символами и коммуникацией.

Тем самым в работах Д. Белла и А. Турена последовательно выстраивается представление о социальном устройстве, в котором

---

[20] Центральным пуктом в торговых обществах по мнению А Турена, является свобода, в индустриальном обществе -справедливость.

[21] Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 92.

[22] Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 92.

решающую роль играет производство знаний, обработка информации и программирование культурных моделей развития.

На этом теоретическом фундаменте Мануэль Кастельс предлагает рассматривать современную социальную реальность как «сетевое общество», в котором информационные потоки организуются в глобальные, многослойные и децентрализованные сети.

Исследователь под сетевым обществом понимает специфическую социальную структуру информационного века, создаваемую сетями производства, власти и опыта, образующими культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих пространство и время[23].

Под сетями автор понимает совокупность взаимосвязанных узлов, форма которых зависит от конкретного типа сети. Сети становятся фундаментальным материалом для построения новых организаций[24].

М. Кастельс исходит из того, что пространство всегда является выражением общества. Поскольку современные общества подвергаются структурной трансформации, он предполагает, что в настоящее время возникают новые пространственные формы и процессы[25]. Представляется, что пространство является материальным продуктом по отношению к другим материальным продуктам включая людей, которые вовлечены в (исторически) детерминированные социальные отношения, придающие пространству форму, функцию и социальное значение.

Информационная эпоха и сетевое общество, по Кастельсу, основаны на господстве потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни.

Именно поэтому мыслитель вводит понятие «пространство потоков» как новую пространственную форму, под которой понимается материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки. Также потоки – это целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные факторы в экономических, политических и символических структурах общества. Доминирующие потоки «встраиваются» в доминирующие социальные структуры. Под последними Мануэль Кастельс понимает такие конфигурации организаций и институтов, внутренняя логика которых стратегически формирует социальные практики и массовое сознание. Именно вокруг этих структур и их интересов организуется пространство потоков как пространственная логика доминирующих элит и ключевых функций общества.

---

[23] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. 608 с.

[24] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 171.

[25] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 384.

Таким образом, в сетевом обществе власть все больше переносится из формальных институтов (закон, государство) в сети экспертных сообществ, онлайн-платформ и медиа-узлов, чьи аудитории и алгоритмические принципы управления формируют нормы и модели поведения молодежи, зачастую вне видимого правового контроля.

Пространство потоков имеет, по меньшей мере, три слоя материальной опоры.

Во-первых, это цепи электронных импульсов (микроэлектроника, телекоммуникации, компьютерная обработка, системы вещания и высокоскоростного транспорта, также основанного на информационных технологиях).

Во-вторых, это узлы и коммуникационные центры. Пространство потоков, в отличие от своей структурной логики, не лишено мест. Оно основано на электронной сети, но эта сеть связывает между собой конкретные места с четко очерченными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками. Некоторые из них – это коммутаторы, коммуникационные центры, играющие роль координаторов ради гладкого взаимодействия элементов, интегрированных в сети. Другие представляют собой узлы сети, места, где осуществляются стратегически важные функции, строящие ряд базирующихся в данной местности видов деятельности и организаций вокруг некоторой ключевой функции в сети. Расположение в узле связывает местность со всей сетью. Как узлы, так и коммуникационные центры организованы иерархически, в соответствии со своим относительным весом в сети. Но такая иерархия может меняться в зависимости от эволюции видов деятельности, пропускаемых через сеть. В некоторых случаях какие-либо места могут быть исключены из сети, результатом разрыва связей является мгновенный упадок, и, следовательно, экономическая, социальная и физическая деградация. Характеристики узлов зависят от функций, выполняемых данной сетью[26].

Третий важный слой пространства потоков относится к пространственной организации доминирующих менеджерских элит (скорее элит, чем классов), осуществляющих управленческие функции, вокруг которых строится организованное пространство.

Пространство потоков не заменяет полностью пространство мест. Под пространством мест понимается пространство, где территория, форма, функция и значение которой содержатся в границах физической близости[27]. Подавляющее большинство людей – и в «традиционных», и в высокоразвитых обществах – живут именно в пространстве мест: кварталах, городах, поселках, локальных сообществах.

Теория пространства потоков начинается с допущения, гласящего, что общества асимметрично организованы вокруг доминирующих интересов, специфичных для каждой социальной структуры. Пространство потоков не

---

[26] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 387.

[27] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 394.

единственная пространственная логика существующих обществ. Однако оно является доминирующей[28].

Сетевое общество трансформирует не только пространство, но и время. Классическое индустриальное общество опиралось на линейное, необратимое, измеримое и предсказуемое время – «временную дисциплину» фабрики, школы, бюрократии. В сетевом обществе эта временная логика дробится и подвергается систематической пертурбации. М. Кастельс описывает возникновение «вневременного времени» новой доминирующей темпоральности, которая соответствует пространству потоков. Вневременное время формируется там, где информационная парадигма и сетевые структуры нарушают порядок следования событий либо за счет резкого сжатия временных промежутков (ориентация на мгновенность), либо через случайные разрывы в последовательности. Устраняется сама очередность, и время превращается в недифференцированное «вечно настоящее», способное избирательно присваивать любые смыслы и события, вырванные из их контекста[29].

Вневременное время принадлежит пространству потоков, тогда как биологическое время, социально детерминированная последовательность и привычная временная дисциплина продолжают характеризовать пространство мест во всем мире. Социальное господство, по Кастельсу, реализуется через селективное включение и исключение людей и функций из разных временных и пространственных рамок. Одни группы получают доступ к сетям, действующим в режиме вневременного времени, другие остаются связанными с локальными ритмами и ограниченными ресурсами пространства мест.

В концепции сетевого общества значимое место отводится сетям. Они представляют собой открытые, многоуровневые и децентрализованные системы взаимодействий, в которых элементы находятся в отношениях синергетической взаимосвязи, а не господства и подчинения[30]. В социальном плане сетью является деятельностное пространство, создаваемое и поддерживаемое узлами (центрами) активности и каналами связи. Сети предусматривают правила игры, необходимые для совместных действий двух или более участников для достижения целей каждого из них. «Сетевая власть», которой обладают узлы (центры), проистекает из способности узла обладать уникальной компетенцией, информацией. Каждый узел рассматривается не просто как передатчик, а как трансформатор проходящих через него потоков, способный изменять их свойства, менять направление их движения, запускать новые потоки. Сетевая логика не признает системного доминирования узлов, значимость

---

[28] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 387.

[29] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С 402.

[30] Липень С. В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 10(119). С. 11-19.

каждого узла обусловлена его способностью к обработке информации, что позволяет выделить главные (критические) узлы[31].

Развитие коммуникаций приводит к смешению онлайна и офлайн-среды. Такое состояние описывается М. Кастельсом как реальная виртуальность, под которой он понимает систему, где сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, где внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. В этой системе цифровые символы перестают быть просто отражением действительности и превращаются в актуальный опыт, напрямую формируя повседневное поведение людей и глобальные политические процессы[32].

М.М. Скибицкий, рассматривая положения М. Кастельса о сущности информационального общества, делает вывод о формировании в информационном обществе новой онтологической реальности: символическая и семантическая среды приобретают первенствующее значение по сравнению с физической, становятся новой онтологической реальностью[33].

Социальная структура в сетевом обществе пронизывается сетевой логикой, которая абсорбирует традиционные формы жизни, объединяя материальное существование и электронные потоки в единое пространство существования[34].

Философским фундаментом этого слияния выступает феномен гиперреальности, где стирается само противоречие между реальным и воображаемым. В условиях информационного общества реальные факты вытесняются симулякрами (знаками и образами, которые не имеют оригиналов в физическом мире, но воспринимаются как более убедительные, чем сама действительность). В результате человек оказывается в плену искусственной симуляции, где символическая среда приобретает первенствующее значение по сравнению с материальной[35].

Социальная структура сетевого общества характеризуется разрушением традиционных классов и их замещением фрагментированными «племенами», объединенными вокруг первичных идентичностей[36]. Вместо классовой борьбы индустриальной эры на первый

---

[31] Липень С.В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 10(119). С. 11-19.

[32] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 504.

[33] Скибицкий М.М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // Мир новой экономики. 2015. № 4. С. 62-68.

[34] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 16.

[35] Денисенко В.В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 269-276.

[36] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 27.

план выходит противостояние между глобальной «Сетью» (инструментальным обменом) и индивидуальным «Я» (поиском смысла и самобытности). В этих условиях традиционные институты социализации, включая семью и систему образования, теряют свою символическую власть, если не могут интегрироваться в культуру «реальной виртуальности»[37]. Для исследователя молодежной среды крайне важно понимать, что именно в этих «серых зонах» институционального распада формируется питательная почва для деструктивных сетевых структур и экстремистских сообществ, предлагающих молодежи суррогат идентичности и социальной принадлежности[38].

Эта динамика порождает «добродетельный круг» кумулятивного развития знаний. Благодаря технологическим инновациям прогресс знания в короткие сроки приводит к приращению знания. Тогда происходит ускорение производства знаний. Революция в области новых технологий знаменует собой вхождение информации и знания в фазу кумулятивного развития, которое Мануэль Кастельс описывает как «использование знания и информации в методиках создания и обработки/распространения информации в круге кумулятивного взаимодействия по принципу обратной связи между инновацией и ее практическими применениями»[39]. Благодаря инструментам «массовой самокоммуникации» индивиды получили возможность самостоятельно генерировать и распространять информацию в обход традиционных иерархических фильтров, что радикально уплотнило коммуникационную среду[40].

Оборотной стороной этого ускоренного развития является хроническая информационная перегрузка и дефицит времени, необходимого человеку для критического анализа и верификации поступающих сведений. Сверхвысокая скорость потоков данных способствует лавинообразному распространению деструктивных «медиавирусов», слухов и радикальных идей, которые внедряются в сознание быстрее, чем общество успевает выработать защитную реакцию. Для государства это оборачивается институциональным отставанием, заключающимся в том, что управленческие и правовые механизмы контроля за информационным пространством систематически не успевают за динамикой технологических инноваций[41].

Фрагментация и плюрализация источников информации в сетевом обществе знаменуют переход от вертикально центрированной модели распределения знаний к горизонтально структурированному многомерному обмену. В этой системе единый центр влияния на производство и

---

[37] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 353.

[38] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. филос. наук. Пятигорск, 2010. С. 112.

[39] Всемирный доклад ЮНЕСКО К обществам знания. 2005. 239 с.

[40] Мажорина М.В. Право сетевого общества и проблема управления гибридностью // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9(166). С. 112.

[41] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. 141 с.

распространение информации рассыпается на множество автономных узлов, каждый из которых обладает каналами «обратного влияния» и критической интерпретации, что подрывает монополию институтов на знание[42]. Этот процесс обусловлен развитием «массовой самокоммуникации», позволяющей индивидам и организациям самостоятельно генерировать контент и распространять его в киберпространстве, в значительной степени избегая контроля со стороны корпораций и бюрократических структур. В результате монополия политической власти на формирование общественного мнения сменяется перекрестными конкурирующими векторами влияния, исходящими из множества центров.

Следствием такой массовой включенности в коммуникацию становится резкое увеличение вариативности позиций в публичной сфере, которая распадается на множество сталкивающихся и конфликтующих между собой сегментов. Традиционная социальная реальность «разрыхляется», а на смену целостному восприятию мира приходит мозаичная структура, где информация подается фрагментарно, что часто лишает аудиторию возможности составить объективную картину событий[43]. В условиях такой фрагментации сетевое пространство превращается в «эпицентр битвы за умы», где отсутствие единых фильтров и анонимность способствуют распространению дезинформации и радикальных идей, адаптированных под специфические запросы различных сетевых сообществ[44].

Логика краткости в сетевом обществе проявляется через переход к так называемой «блип-культуре», где на смену длинным логическим нитям приходят разрозненные «блипы» информации такие как заголовки, обрывки новостей, песни и коллажи[45]. В рамках нее мышление преимущественно формализованным и ориентированным на восприятие отдельных деталей, а не целостной картины мира. В условиях такой «мозаичной культуры» информация подается в виде мгновенных стимулов, которые не согласуются в единые схемы, заставляя индивида постоянно перестраивать свою ментальную модель реальности.

Визуальность в сетевом обществе выступает фундаментом культуры «реальной виртуальности», в которой цифровые образы и знаки перестают быть просто отражением действительности, а как уже было сказано ранее

---

[42] Воронкова О.А. Сетевая коммуникация как фактор эволюции социально-политических отношений // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 89-96.

[43] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. 351 с.

[44] Воронкова О.А. Сетевая коммуникация как фактор эволюции социально-политических отношений // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 90.

[45] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. 351 с.

превращается в актуальный повседневный опыт[46]. В этой системе символическая и семантическая среды приобретают первенствующее значение по сравнению с физической реальностью, а внешние отображения на экранах становятся непосредственным содержанием жизни[47]. В отличие от «алфавитной» культуры прошлого, требовавшей последовательной логики, современная электронная среда восстанавливает сенсорный баланс, позволяя человеку естественно-эмоционально реагировать на события в режиме реального времени. Это ведет к господству гиперреальности, в которой визуальные симулякры воспринимаются как более убедительные и значимые, чем сами факты материального мира[48].

Логика визуальности радикально трансформирует способы познания, при которых новые поколения перестают опираться исключительно на чтение, предпочитая испытывать и ощущать мир через слуховизуальные коммуникации. Информация подается в виде аудиовизуальной «мозаики», которая через экраны устройств напрямую воздействует на чувства, создавая эффект «глобального объятия» и стирая ментальную дистанцию между реальностью и симуляцией. Сверхвысокая интенсивность такого воздействия приводит к тому, что яркие визуальные паттерны и «хайповый» контент усваиваются мгновенно, минуя стадию критического анализа, что способствует фрагментации восприятия и преобладанию эмоционального вовлечения над глубоким осмыслением. В итоге визуальный способ коммуникации превращается в мощный инструмент программирования поведенческих моделей и идентичности пользователей.

Использования новых технологий оказывает воздействие на психику участников общественных отношений. Как отмечал на конференции, посвященной проблемам искусственного интеллекта, В.В. Миронов, «электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем». Она влияет на мышление человека, уже сегодня делая ряд мыслительных функций практически ненужными. Меняется сам характер принятия решений, теперь человек нередко сначала совершает само действие, а уже потом задумывается о его последствиях и нравственном значении. У людей формируется клиповое сознание, основанное «на поверхностном восприятии фрагментов реальности». В итоге все больше утрачиваются навыки анализа текстов, уяснения их сущности, навыки комплексного восприятия научных и практических проблем. В правовых и иных ситуациях пропадает потребность в выявлении истины, в итоге приобретая ситуативный характер. Люди утрачивают

---

[46] Лугинина А.Г. Модели сетевых обществ в постиндустриальных и информационных концепциях // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120. С. 909.

[47] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. С. 104.

[48] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. С. 108.

ключевые аналитические навыки и способности[49], что ведет к импульсивному принятию решений, когда действие часто совершается раньше, чем осознаются его нравственные и правовые последствия. В условиях «информационного взрыва» и дефицита внимания такая когнитивная специфика превращает молодежь в идеальный объект для манипуляций и деструктивного воздействия, так как радикальные идеологии предлагают максимально простые и эмоционально заряженные ответы, адаптированные под клиповое восприятие.

Таким образом, сетевое общество создает условия для формирования фрагментированных идентичностей и ослабления традиционных институтов социализации. В новых условиях экстремистские сети предлагают молодежи простые ответы и суррогаты принадлежности, опережая традиционные институты социального контроля. Далее рассмотрим цифровое пространство как социально-правовой феномен, определяющий специфику современных форм молодежного экстремизма в сетевом обществе.

Контрольные вопросы

1. Как в теориях Д. Белла и А. Турена изменяется понимание источников социального конфликта при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу?
2. В чем заключается различие между «пространством потоков» и «пространством мест» в концепции М. Кастельса и как это различие влияет на распределение власти и социальных возможностей в сетевом обществе?
3. По вашему мнению, почему феномены гиперреальности, клипового мышления и фрагментации источников повышают уязвимость молодежи к радикальным идеологиям и ослабляют формирование устойчивого правосознания?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

§ 1.2. Цифровое пространство (цифровая среда) как социально-правовой феномен

В научной литературе можно встретить разные подходы к определению и соотношению понятий цифровое пространство и цифровая среда. Например, И.С. Сорокин, анализируя их применение в различных областях знаний, приходит к выводу, что разница между понятиями

[49] Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. Москва, 2023. 244 с.

«цифровое пространство» и «цифровая среда» заключается в их содержании и акцентах.

Автор отмечает, что цифровое пространство – это более широкое и абстрактное понятие, обозначающее совокупность всех цифровых ресурсов, технологий, инфраструктуры и информационных потоков в глобальном масштабе. Это «место» или «контекст» существования цифровой информации и взаимодействий, включающий интернет, облачные сервисы, базы данных, цифровые устройства и т. п. Цифровое пространство охватывает все цифровые коммуникации и возможности без привязки к конкретной сфере применения.

Цифровая среда, по его мнению, более конкретное и прикладное понятие, часто используемое в контексте образования, работы или социальной коммуникации. Это совокупность цифровых технологий, сервисов, информационных ресурсов и коммуникационных инструментов, которые формируют условия для определенного вида деятельности или взаимодействия (например, образовательной деятельности). Цифровая среда включает не только технические компоненты, но и организационные, социальные аспекты, обеспечивающие функционирование и взаимодействие пользователей.

С другой стороны, эти термины нередко встречаются как синонимы или взаимоопределяющие термины. Например, В.О. Давыдов, указывая на то, что цифровое пространство является искусственно созданной частью окружающей среды, определяет его как элемент информационного пространства, интегрирующего цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, совокупность цифровых инфраструктур, а также информационные ресурсы[50].

Принимая во внимание позиции сторон следует отметить, что среда, согласно толковому словарю С.И. Ожегова, это окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий, а пространство в одном значении представляется как одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом, а во втором как место, неограниченное видимыми пределами. Из этого допустимо заключить что цифровое пространство это место существования цифровых объектов и процессов в рамках которого они располагаются и взаимодействуют. Цифровая среда представляется конкретными социально-бытовыми и коммуникативными условиями внутри этого пространства, а также совокупностью людей, живущих и взаимодействующих в этих условиях.

В дальнейшем в рамках данного пособия понятия «цифровая среда» и «цифровое пространство» используются как функциональные синонимы для обозначения той части информационного пространства общества, которая формируется на основе цифровых технологий и в пределах которой

---

[50] Давыдов В.О. Цифровое пространство как место совершения преступлений экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 1. С. 93.

осуществляется социальное взаимодействие, в том числе правового характера.

Цифровая среда представляет собой сложную, многоуровневую систему включающей технические, информационные, коммуникационные, социальные и экономические компоненты[51]. Рассмотрим их подробнее:

1. Технический (инфраструктурный) компонент представляет собой физическую и аппаратно-программную основу цифрового пространства, обеспечивающую ее существование и бесперебойное функционирование[52]. Этот компонент включает в себя:

На инфраструктурном уровне это глобальная сеть телекоммуникационных каналов (оптоволоконные линии, спутниковую связь, серверные станции и центры обработки данных), преодолевающая географические барьеры[53].

На программно-алгоритмическом уровне совокупность базовых сетевых протоколов, баз данных и системного программного обеспечения, выступающих универсальным языком среды, обеспечивающим перевод любой информации в бинарный цифровой код.

на уровне устройств – персональные компьютеры, смартфоны, гаджеты иные физические объекты, подключенные к интернету и обменивающихся данными «интернет вещей»), выступающие интерфейсами или точками входа человека в цифровую среду.

Таким образом, технический базис создает материальную основу для движения информационных потоков в режиме реального времени.

2. Информационный (контентный) компонент выступает внутренним смысловым наполнением цифрового пространства. К нему относится весь массив циркулирующих данных, в частности гипертексты, визуальный и аудиоконтент, информационные ресурсы, базы данных, научные материалы и приложения[54], который непрерывно собирается, хранится, обрабатывается и потребляется. Специфика контента в цифровом пространстве заключается в возможности его неограниченного копирования и обработки.

3. Коммуникационный компонент отражает динамику, логику связей и маршруты передачи смыслов внутри сети. Коммуникация облекается в специфические технологические формы и обладает рядом специфических свойств таких как: многоканальность и полимагистральность[55], проявляющаяся в том, что высокая плотность логистических путей позволяет информации легко находить альтернативные цепочки звеньев для распространения, если какое-то звено выпадает.

---

[51] Сорокин И.С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. №4 (108). С. 73-82.

[52] Рассолов И.М. Право и интернет: теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М., 2009. 383 с.

[53] Россия и вызовы цифровой среды: рабочая тетр. / В.С. Овчинский и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по междунар. делам. М., 2014. 40 с.

[54] Хуторной С.Н. Киберпространство и становление сетевого общества: дис. … канд. филос. наук. Воронеж, 2013. С. 39.

[55] Болховской А.Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. Черкесск, 2010. С. 50-51.

Способность установить связь, преодолевая пространственные и временные барьеры, мгновенно и в глобальном масштабе.

4. Социальный компонент охватывает пользователей и все многообразие формируемых ими связей и институтов. В рамках данного компонента представляется возможным говорить о цифровой социальности. Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский раскрывают данный термин как все то, что человек приобретает в ходе межличностного онлайн-взаимодействия и в составе различных групп в Интернете, это способы и практики социальной коммуникации, новые форматы деятельности, накапливаемые социальные онлайн-контакты, освоение и реализация социальных ролей в сети, это усвоение, принятие и соблюдение норм и правил цифровой среды и выполнение на их основе различных социальных функций[56]. К ключевым элементам социального компонента следует относить виртуальные сетевые сообщества, где группы людей объединены не географической близостью, а общностью интересов и целей на основе единого информационного поля, цифровую идентичность и киберсоциализацию, выражающиеся в процессах конструирования пользователями своего виртуального «Я» (расширенной личности), накопление цифровых следов и усвоение норм сетевой культуры.

Интерактивность и массовая самокоммуникация[57], заключающаяся в том, что пользователь перестает быть пассивным потребителем информации и превращается в активный генератор смыслов, самостоятельно формирующего, направляющего и выбирающего контент.

5. Экономический компонент обусловлен переходом человечества к информационной (цифровой) экономике, в которой генерирование, обработка и передача информации становятся фундаментальными источниками производительности и извлечения прибыли. Экономическое измерение цифрового пространства базируется на информационном капитале, платформенной экономике, возникновении новых специфических цифровых объектах (криптовалюты, токены, аккаунты, смарт-контракты и цифровые права).

Таким образом, технические сети создают инфраструктурный фундамент, контент наполняет его смыслами, коммуникация приводит систему в движение, социум очеловечивает цифровую среду, а экономика обеспечивает ее капитализацию и функциональное воспроизводство. Синтез этих пяти компонентов превращает цифровое пространство (цифровую среду) в самостоятельную глобальную сеть, внутри которой складываются особые практики социального поведения, в том числе молодежи и формируются специфические правовые режимы.

В цифровой среде значимую роль занимают цифровые платформы. Термин цифровая платформа является полиаспектным, что обуславливает его использование в таких значениях как: 1) информационная система,

---

[56] Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 7–26. URL: https://cyberpsy.ru/articles/socialno-kognitivnaya-koncepciya-cifrovoj-socializacii/ (дата обращения: 16.03.2025).

[57] Кастельс М. Власть коммуникации 4-е изд. М., 2023. С. 24.

предназначенная для решения различных прикладных задач организации коммуникации между заинтересованными в ней лицами в различных сферах общественной жизни; 2) аппаратная (операционная) среда, представленная совокупностью программного обеспечения и совместимых с ним устройств; 3) некоторый цифровой продукт (инструмент), позволяющий пользователям находить друг друга и обмениваться информационными, культурными, материальными, финансовыми и иными благами; 4) любой программно-аппаратный комплекс, созданный с использованием современных цифровых технологий, позволяющий решать различные, в том числе правовые, прикладные задачи. Кроме того, о феномене цифровых платформ может идти речь как о форме организации рыночных, управленческих и иных отношений.

На основе этого А.С. Емельянов приходит к выводу, что цифровая платформа может быть определена в качестве некоего результата интеллектуальной деятельности, подкрепленного аппаратной составляющей, который при поддержке оператора позволяет экономическим, административным и иным агентам осуществлять удаленное (дистанционное) взаимодействие для обмена информацией, материальными ценностями или иными благами, совершения сделок, принятия правовых актов управления, решения других прикладных задач[58].

Законодатель определил цифровую платформу как информационную систему, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг[59].

В основе цифровых платформ лежит математическая модель, предполагающая всеобъемлющий сбор данных о пользователях. Она позволяет осуществлять посредством вычислительной математики анализ пользовательской активности, в том числе времени и места использования, пользовательских записей, комментариев, лайков, маршрутов перемещения в виртуальной среде и реальном мире (геолокация), поисковых запросов, покупок (оказанных услуг, включая государственные и муниципальные, реализованных функций), просмотра контента и т.п. Полученные данные обрабатываются с использованием технологий искусственного интеллекта таким образом, чтобы полученная информация позволяла осуществлять оптимизацию работы в маркетинговых, логистических и иных прикладных целях[60].

---

[58] Цифровые платформы - организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2025. 244 с.

[59] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[60] Цифровые платформы - организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред.

Вышесказанное свидетельствует о комплексном характере цифровых платформ как узлов цифровой среды. Обращаясь к классификации цифровых платформ, необходимо подчеркнуть, что в основу их дифференциации могут быть положены технические, организационно-технические и правовые признаки. В зависимости от основного вида деятельности выделяют маркетплейсы и агрегаторы услуг; классифайды (доски объявлений), шеринговые платформы, платформы для рынка труда, финтех-решения и краудфандинг, информационно-справочные платформы, развлекательные ресурсы, социальные сети и мессенджеры[61].

Для целей анализа молодежного экстремизма в сетевом обществе наибольшее значение имеют платформы, способствующие повседневной коммуникации и социальному взаимодействию.

В первую очередь необходимо рассмотреть социальные сети.

В научной литературе они также представляются как специфическая разновидность прикладных цифровых платформ[62], базирующихся на парадигме интерактивного, многопользовательского взаимодействия (Web 2.0)[63].

В отличие от традиционных информационных ресурсов, их функциональная архитектура построена на децентрализованной генерации контента самими пользователями и горизонтальном обмене данными. Базовыми характеристиками таких платформ выступают открытая архитектура доступа, означающая доступность данных и ресурсов для всех пользователей без ограничений, установленных централизованной платформой и наличие развитого инструментария, посредством которого субъекты могут не только потреблять информацию, но и осуществлять ее непрерывное производство в форматах публикаций, комментариев и репостов.

Базовым механизмом функционирования таких платформ является алгоритмическая лента новостей, обеспечивающая возможность мгновенного, вирусного (лавинообразного) распространения любого информационного сообщения.

Ключевым юридически значимым свойством социальных сетей является беспрецедентный масштаб и открытый характер циркуляции информации, который трансформирует личное высказывание в публичное действие. Размещение контента в открытых профилях или сообществах означает его трансляцию неопределенному кругу лиц. Это свойство имеет принципиальное значение для правовой квалификации деяний так как

Л.К. Терещенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2025. 244 с.

[61] Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; Под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой. М., 2023. 72 с.

[62] Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 71.

[63] Белоконев С.Ю., Хоконов А.А. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 26.

любые противоправные высказывания, включая призывы экстремистской направленности, получают статус публично распространяемых.

Важно отметить, что публикация оригинального поста, репост чужого сообщения, написание комментария, проставление отметки одобрения («лайк»), а также вступление в определенное цифровое сообщество или подписка на канал представляют собой активности, которые оставляют электронно-цифровые следы и по-разному оцениваются в правоприменительной практике. Если репост квалифицируется как прямое распространение информации (ее осознанное тиражирование), то комментарий может рассматриваться как форма публичного оправдания или призыва, а отметка одобрения в определенных контекстах как знак солидаризации с деструктивной идеологией. Таким образом, любое интерактивное действие пользователя в публичном цифровом пространстве объективируется и может стать основанием для правовой оценки.

В социальных сетях молодые люди на эмпирическом уровне сталкиваются с реальным действием права и механизмов социального контроля посредством предупреждений модераторов за нарушение правил сети, блокировок аккаунтов, столкновения с алгоритмическими ограничениями, требованиями удалить неприемлемый контент или через участие в системе подачи встречных пользовательских жалоб. Представляется, что именно здесь у молодых пользователей в режиме ежедневного взаимодействия складываются интуитивные представления о границах свободы выражения, о соотношении личного мнения и публичной ответственности, что оказывает влияние на формирование правосознания молодежи.

Наряду с публичными социальными сетями важную роль в онлайн-коммуникации молодежи играют более закрытые формы цифрового взаимодействия такие как мессенджеры и закрытые группы, обладающие иными режимами доступа, видимости и контроля, что требует их отдельного рассмотрения.

Мессенджеры представляются как информационные системы и программные платформы (сервисы обмена мгновенными сообщениями), которые предназначена для оперативной передачи текстовых, аудиовизуальных и иных мультимедийных данных в режиме реального времени с фокусом на приватную или полуприватную межличностную и адресную групповую коммуникацию[64]. Взаимодействие осуществляется с помощью каналов, чатов, закрытых групп на платформах.

Закрытые группы представляют собой локализованные внутри мессенджеров или социальных сетей виртуальные сообщества по интересам, доступ к которым ограничен и зачастую детерминирован общими, в том числе профессиональными или внутрикорпоративными, целями и регламентами[65].

---

[64] Начарова Л.И. Мессенджеры: новые медиа или эволюционный этап развития социальных сетей? // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 496-499.

[65] Воинов Д.А. Организация закрытых групп в Интернете как канал корпоративного управления // Электронный научный журнал «Век качества». 2017. №4. С. 106-114.;

Пространство мессенджеров является предпочтительной средой как для доверительного межличностного общения в силу установления закрытого или полузакрытого режимов, под которыми подразумевается ограничение аудитории за счет технических средств (например, доступ по ссылке, конкретным пользователям, авторизованным участникам) С позиций теории управления приватностью (С. Петронио), именно в закрытых группах и личных чатах мессенджеров возникает возможность формирования плотных «коллективных границ приватности»[66].

полузакрытый режим предполагает, что участие в группе определяется выбором самого индивида, однако этот выбор не является абсолютно свободным. Вхождение в группу находится в прямой связи с объективным положением человека в обществе. В рамках данного режима осуществляется более адресное личное общение по сравнению с социальными сетями, где контент транслируется для всех подписчиков. Пользователь взаимодействует с ограниченным и выбранным кругом контактов или локальных групп. Однако технологическая изоляция здесь не абсолютна (информация может быть скопирована самими участниками, а операторы платформ часто сохраняют доступ к метаданным).

Развитие мессенджеров привела к формированию двух различных парадигм обеспечения анонимности: в рамках традиционных мессенджеров и в рамках децентрализованных криптомессенджеров. В первом случае мессенджеры, такие как WhatsApp, Telegram, Viber концептуально ориентированы на обеспечение приватности и конфиденциальности личного общения. Анонимность и безопасность переписки в них обеспечиваются технологиями сквозного шифрования и кодирования передаваемой информации[67]. Однако анонимность признается частичной или относительной. Законодательство (в частности, российское) обязывает организаторов сервисов обмена мгновенными сообщениями идентифицировать пользователей по абонентскому номеру оператора сотовой связи[68]. Кроме того, традиционные мессенджеры опираются на централизованные серверы, которые генерируют и накапливают метаданные об активности пользователей (время соединений, IP-адреса, списки контактов), что оставляет цифровые следы и при определенных условиях правоохранительные органы имеют возможность осуществить деанонимизацию.

Потребность в максимальном уровне скрытности, в том числе в криминальной среде, привела к развитию криптомессенджеров (например, Briar, Firechat, Bridgefy, Signal Offline Messenger), обеспечивающих

Сапон И. В. Публичное и приватное в профиле социальной сети (в свете теории С. Петронио) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2-1. С. 126-142.

[66] Сапон И. В. Публичное и приватное в профиле социальной сети (в свете теории С. Петронио) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2-1. С. 138.

[67] Начарова Л.И. Мессенджеры: новые медиа или эволюционный этап развития социальных сетей? // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2(105). С. 496-499.

[68] Батоев В.Б. Использование мессенджеров и криптомессенджеров в преступной деятельности: новая угроза? // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 4(58). С. 67-75.

практически абсолютную технологическую анонимность. Это стало возможным благодаря технологиям, решающим вопросы автономности от провайдеров и сети Интернет, отсутствия централизации и метаданных и локализации данных на устройстве без дополнительной авторизации[69]. Такого рода мессенджеры являются серьезной угрозой общественной безопасности в случае использования их для противоправной деятельности.

Наряду с мессенджерами и закрытыми группами значимую роль в онлайн активности молодежи играют иные типы цифровых пространств, которые не сводятся ни к публичным социальным сетям, ни к сервисам обмена сообщениями. К их числу относятся игровые и стриминговые платформы, форумы и доски объявлений, где коммуникация часто маскируется под развлечение, обсуждение игр, бытовых вопросов и потому оказывается менее заметной как для традиционных институтов социального контроля, так и для правоохранительных органов.

Форумы, имиджборды, тематические сообщества и доски объявлений (классифайды) представляют собой специфический, исторически более ранний сегмент цифровой среды. В отличие от современных социальных сетей, где коммуникация выстраивается вокруг персонифицированного личного профиля, в данных виртуальных пространствах взаимодействие носит предметно-ориентированный характер и концентрируется вокруг конкретных тем или «тредов» (ветвей обсуждений).

Важной характеристикой этой формы общения выступает ее асинхронный режим и возможность длительного хранения архивов: участник может включиться в полилог, начавшийся много лет назад, или оставить сообщение для будущих читателей[70]. В результате любые опубликованные материалы, включая экстремистские высказывания или гиперссылки на запрещенные ресурсы, могут неограниченно долго оставаться доступными.

Сама коммуникация на подобных ресурсах отличается меньшей формализованностью, хаотичностью и высокой степенью субъективности. В условиях слабой и нерегулярной модерации нормой здесь является практически абсолютная анонимность или псевдоанимность участников, скрывающихся за вымышленными именами (никами), а отсутствие обязательной регистрации выступает главной особенностью таких площадок, как, например, имиджборды. Эта сниженная планка социального контроля создает идеальную среду для латентного распространения радикальных идей, где специфическая речевая агрессия нередко воспринимается не как девиация, а как принятая норма поведения[71]. Деструктивные нарративы в таких сообществах редко подаются в виде прямых призывов, чаще всего они носят скрытый характер, например,

---

[69] Батоев В.Б. Использование мессенджеров и криптомессенджеров в преступной деятельности: новая угроза? // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 4(58). С. 67-75.

[70] Селютин А.А. Форум как жанр виртуального общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 121-124.

[71] Габдрафикова Т.Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-3(90). С. 496-499.

вплетаются в обсуждение острых политических проблем, субкультур и т.д. Подобная адаптивность позволяет деструктивным элементам обходить автоматизированные фильтры и осуществлять скрытую индоктринацию молодых людей непосредственно в привычной для них среде по интересам.

Таким образом, цифровое пространство (цифровая среда) представляет сложный социально-правовой феномен, внутри которого формируются новые формы молодежной коммуникации, идентичности и социального контроля. В настоящее время именно в этой среде наиболее активно распространяются экстремистские идеологии, что обусловливает необходимость специального правового регулирования и профилактических мер.

Контрольные вопросы

1. Раскройте ключевое различие между понятиями «цифровое пространство» и «цифровая среда», и почему в пособии они используются как синонимы?
2. Опишите компоненты цифровой среды. Какова роль социального компонента в формировании правосознания молодежи?
3. По вашему мнению какие правовые риски несет использование криптомессенджеров для координации экстремистской деятельности?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

ГЛАВА 2. МОЛОДЕЖЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 2.1. Молодежь как специфическая социально-правовая группа

Выделение молодежи в качестве самостоятельного объекта изучения и правовой охраны обусловлено тем, что в период взросления и активного включения в общественные отношения молодые люди обладают особым, переходным статусом, требующим специфического государственного регулирования и социальной поддержки. В соответствии с положениями Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»[72], к категории молодежи в России относятся граждане в возрасте от 14 до 35 лет. Данный широкий диапазон закреплен законодателем для охвата различных стадий становления личности и оказания длительной социальной поддержки. В рамках него можно выделить разные возрастные подгруппы в зависимости от влияния деструктивных воззрений. В научной и учебной литературе отмечается, что меньше подвержены этому явлению лица в возрасте от 26 до 35 лет (5,5%). К этому возрасту многие из них получили высшее образование, трудоустроились. стремятся к утверждению социальною статуса, создали семью, что рассматривается нами как положительный фактор, способствующий отказу от экстремистской идеологии[73]. Другие исследователи отмечают, что экстремистской идеологии главным образом подвержены незанятые слои несовершеннолетних и молодежи от 14 до 20 лет[74]. Стоит отметить, что в научной литературе существует множество подходов к определению границ молодости, например, психофизиологический, ролевой, субкультурный, социально-психологический, конфликтологический, стратификационный, социализационный, интеракционистский (рассматривают как состояние души), аксиологический (рассматривают как важный этап жизненного цикла человека), процессуальный (рассматривают как этап формирования личности), субъективный (рассматривают как особое мироощущение вне зависимости от реального возраста) подходы[75].

Зарубежный подход к представлению о категории молодежь можно увидеть в работе Саймона Фриса в работе «Социология молодежи». Автор выделяет два критерия этого понятия: первый - переход от детства к взрослости и второй - переход от безответственности к ответственности в поведении. Современные возрастные границы понятия «молодежь», принятые в большинстве европейских стран, США и Японии, лежат в интервале от 13-14 до 25-35 лет. При этом различные страны используют

---

[72] Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[73] Жариков Ю.С. Костюк М.Ф. Экстремизм в молодежной среде современного российского общества: проблемы уголовно-правового воздействия и предупреждения. М., 2023. С. 10-12.

[74] Бааль Н.Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства // Российский следователь. 2020. № 12. С. 43-47.

[75] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 147-148.

разные концепции и подходы: в Англии и Нидерландах молодежь не выделяется в особую группу, а объединяется вместе с детьми в возрастных рамках 0-25 лет. По мнению Т.К. Ростовской такой подход имеет как позитивную, так и негативную сторону. С одной стороны, обеспечивается тесное взаимодействие детской и молодежной политики; с другой стороны, появляется возможность неравномерного распределения усилий между этими сферами[76].

Думается, что в контексте анализа деструктивных проявлений в сети Интернет целесообразно фокусироваться на возрастной группе от 14 до 25 лет[77]. Именно на этот период приходятся процессы первичной социализации, пиковой активности коммуникации в виртуальной среде и формирования базовых ценностно-правовых установок, что делает данную группу наиболее чувствительной к внешним информационным воздействиям и манипуляциям.

В рамках социологического подхода молодежь традиционно определяется как социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных ими социально-психологических свойств[78]. В этой связи молодость рассматривается как определенная фаза, этап жизненного цикла которая биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации. Также отмечается, что это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих новые образовательные, профессиональные, культурные и иные функции и подготавливаемых (подготовленных) обществом к усвоению и выполнению социальных ролей[79].

Ключевой характеристикой молодежи является транзитивность (переходность) ее положения, заключающаяся в том, что молодой человек выступает становящимся субъектом общественного воспроизводства[80], что предопределяет неполноту его статуса, высокую социальную мобильность и определенную маргинальность позиций.

---

[76] Ростовская Т.К. Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3(35). С. 91

[77] Атагимова Э.И., Рыбакова О.И. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения 2022. № 3(44). С. 30.

[78] Сергеева Ю.В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. 2015. С. 30.

[79] Невесенко Е.Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети интернет на развитие социальной активности молодежи: дис. … канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 231 с.

[80] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 147.

В структуре общества молодежь выступает наиболее динамичной социально-демографической группой, которая в процессе своей интеграции в социум выполняет ряд фундаментальных социальных функций (воспроизводственная, трансляционная и инновационная функции).

Воспроизводственная и трансляционная функции неразрывно связаны с ролью молодежи как фундаментального звена в системе преемственности поколений. Воспроизводственная функция заключается в способности молодых людей унаследовать социальную структуру, отношения и условия жизни, оставленные родительскими поколениями, обеспечивая тем самым внутреннюю устойчивость и целостность общества. В свою очередь, трансляционная функция логически продолжает этот процесс. Молодежь выступает проводником, который призван осуществить передачу обновленного совокупного общественного опыта от одного поколения к другому.

Инновационная функция раскрывает молодежь как важнейший субъект социальных перемен и носителя огромной преобразующей силы[81]. Включаясь в жизнь общества, молодые люди не просто усваивают готовый опыт, но и активно преобразуют его. В постоянном стремлении превзойти окружающих, удовлетворить жажду новизны и найти новые способы самореализации формируется инновационная активность молодежи. В кризисных или переходных обществах этот процесс обновления и накопления нового опыта часто сопровождается отрицанием устаревших норм. Тем не менее, именно благодаря своей инновационной функции молодежь выступает главным источником обновления социальных структур, обеспечивая движение социума вперед.

В настоящее время под воздействием цифровой среды социальные характеристики претерпевают качественную трансформацию. Современное поколение формируется в условиях повсеместного распространения информационных технологий, что позволяет характеризовать его как «цифровое» поколение[82]. Интернет становится для молодежи полноценной средой обитания и конструирования идентичности, порождая процесс непрерывной киберсоциализации. Возникает автономный виртуальный мир со своими нормами, авторитетами и правилами, где традиционные жизненные траектории (получение образования, досуг, построение карьеры) радикально меняются и оказываются в прямой зависимости от избираемых стратегий интернет-поведения.

В отечественной юридической науке молодежь рассматривается как специфическая категория населения, обладающая особым конституционно-правовым статусом[83]. Выделение молодежи в самостоятельную группу

---

[81] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 149.

[82] Максимова О.А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22(313). С. 6-10.

[83] Сергеева Ю.В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: дис. … канд. юр. наук. 2015. С. 31.

продиктовано ее переходным социальным положением, незавершенностью процесса формирования личности и необходимостью особых механизмов государственно-правовой защиты.

Ключевым формально-юридическим критерием идентификации молодежи выступают возрастные границы. В соответствии с российским законодательством, в том числе базовыми документами о государственной молодежной политике, к категории молодежи как уже было отмечено выше, относятся граждане в возрасте от 14 до 35 лет. Нижняя граница имеет строгое нормативное закрепление, поскольку именно с этого момента наступает частичная гражданская дееспособность, возможность ограниченно осуществлять трудовую деятельность, а также возникает уголовная ответственность за ряд наиболее тяжких преступлений. Важное значение в изменении прав и обязанностей молодежи имеет совершеннолетие[84]. Согласно ст. 60 Конституции РФ с 18 лет гражданин может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности[85].

Таким образом, термин молодежь носит в себе собирательный образ групп людей, имеющий разный уровень активных прав и обязанностей, обладающих разным уровнем правосознания и правовой культуры, при этом объединенных процессом социализации.

Особый статус молодежи обусловливает необходимость реализации государственной молодежной политики, которая представляется как деятельностью государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Основным средством развития потенциала молодежи является ее вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества[86].

Принципами молодежной политики являются:

1) сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций;

2) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и

---

[84] Лупандин В.Н., Титова Е.В. Конституционно-правовые основы социального статуса российской молодежи // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 5. С. 141

[85] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.10.2025).

[86] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. С. 275.

органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики;

3) комплексный, научный и стратегический подходы при формировании и реализации молодежной политики;

4) открытость и равный доступ молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки;

5) приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей;

6) обязательность участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики[87].

Таким образом, нормальное правовое, культурное и нравственное развитие молодежи во многом зависит от способности государства создания комплекса гарантированных социально-правовых условий для интеграции молодого поколения в общество.

Процесс социального взросления неразрывно связан с поиском и формированием идентичности, что выступает ключевой социально-психологической характеристикой молодежи. Согласно концепции Эрика Эриксона, в возрасте от 11 до 20 лет молодой человек переживает нормативный кризис, главная задача которого интегрировать все свои разрозненные социальные роли (ученика, друга, ребенка) в единое осмысленное целое и связать свое прошлое с будущим[88]. В современных условиях этот процесс сопровождается глубокими внутренними противоречиями, эмоциональной лабильностью и мучительными сомнениями относительно своего места в социуме[89].

Специфические черты молодежного сознания усиливают эти противоречия. Следует отметить, что оно характеризуется рядом отличительных от зрелого черт: 1) особым эгоцентризмом, поиском своей аутентичности, отсутствием объективизма в отношении к миру, субъективизацией отношений с ним; 2) явным преобладанием воображения над житейским опытом. Молодые часто склонны свои желания принимать за реальную потенциальную силу преобразования мира[90].

Данные психологические особенности конкретизируются в социально-возрастных характеристиках, делающих молодежь уязвимой для экстремизма:

1. Экстремальность как имманентное свойство сознания и поведения молодежи, в ряде случаев способное трансформироваться в экстремизм.

---

[87] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[88] Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд М., 2021. С. 15.

[89] Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 117.

[90] Косарецкая С.В. О неформальных объединениях молодежи. М., 2004. 159 с.

2. Несформировавшееся до конца сознание, социокультурный облик, в результате чего молодой человек рискует попасть под влияние идеологов экстремизма.

3. Маргинальный, неустойчивый переходный социальный статус молодежи (во многих случаях отсутствие семьи, детей, престижной работы и т.п.) приводит ее к мысли о том, что «нечего терять».

4. Эмоционально-чувственное, аффективное восприятие окружающей действительности.

5. Инновационная активность, жажда новизны, поиск способов самореализации.

6. Некритическое, парадоксальное мышление и отсутствие жизненного опыта, неумение анализировать причины и последствия социальных действий и взаимодействий»[91].

Эти характеристики наиболее ярко проявляются в поведенческой сфере через интенсивную поисковую активность, когда молодой человек проверяет различные мировоззренческие концепции и активно экспериментирует со стилем жизни, формами организации досуга, а также альтернативными системами ценностей[92]. Подобное конструирование своего «Я» и непрерывный перебор социальных масок являются естественным механизмом социализации, позволяющим индивиду выработать собственную жизненную стратегию и определить свое место в структуре межличностных отношений.

Не имея возможности сразу выстроить устойчивую индивидуальную идентичность, молодые люди остро нуждаются в защите от потери своего «Я», функцию которой выполняет групповая идентичность[93]. Молодые люди ищут поддержки в группах сверстников, подчиняясь неформальным авторитетам и стереотипизируя свои идеалы. На этом этапе поиск себя зачастую выстраивается по примитивной бинарной схеме разделения мира на «своих» и враждебных «чужих». Подобная категоричность и юношеский максимализм сопровождаются нетерпимостью к инакомыслию, что формирует идеальную психологическую почву для некритичного усвоения экстремистских идеологий, предлагающих простые решения сложных социальных проблем.

Одной из наиболее серьезных угроз на стадии становления личности является выбор так называемой «негативной идентичности»[94]. В ситуациях, когда из-за социальной маргинализации, неблагополучного окружения или стигматизации молодой человек не может сформировать позитивный образ

---

[91] Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. … канд. социол. наук. 2018. С. 37.

[92] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 162.

[93] Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд М., 2021. С. 145.

[94] Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2-е изд М., 2021. С. 209.

самого себя, он может сознательно принять роли, категорически отвергаемые обществом (например, преступника или экстремиста). Психологически подростку гораздо комфортнее слиться с деструктивным сообществом и получить от него суррогатное признание, направив свою энергию на соответствие этому антисоциальному образу, нежели постоянно находиться в состоянии болезненной неопределенности и изоляции.

Параллельно с идентичностью происходит сложный процесс становления ценностных ориентаций, которые выступают главным внутренним регулятором социального выбора и поведения личности[95]. В структуре ценностных ориентаций выделяются три интегративных компонента: когнитивный (знание историко-культурных традиций, способность к рефлексии и самосознанию), эмотивный (способность к сопереживанию, состраданию, чувство долга и ответственности) и поведенческий (способность к принятию социально безопасных решений и освоению новых ролей). Именно гармоничное развитие этих компонентов определяет устойчивость молодого человека к деструктивным влияниям.

Однако в реалиях современного сетевого общества формирование ценностных установок молодежи протекает в условиях социокультурного кризиса, когда традиционные институты социализации (семья и школа) оттесняются на второй план сетью Интернет[96]. Виртуальная среда и средства массовой коммуникации конструируют для молодежи «иллюзорный мир», способствуя стихийной киберсоциализации и подмене абсолютных ценностей жестким прагматизмом, материализмом и агрессивностью[97]. Совокупность факторов, таких как незавершенный кризис идентичности, юношеский максимализм и деформированные морально-нравственные ориентиры делают молодежь крайне уязвимой мишенью для вербовочных технологий экстремистских сообществ в цифровом пространстве.

В период социального становления также одной из ключевых психологических характеристик молодежи выступает имманентное стремление к новому, неизведанному и выраженная склонность к риску[98]. Такого рода активность и желание новизны являются естественным механизмом взросления, однако в молодежной среде они зачастую приобретают форму немотивированного риска выражающиеся в том, что смелость молодых людей редко уравновешивается критической оценкой

---

[95] Кудрин В.С. Социально-культурные условия предупреждения молодежного экстремизма как социального риска: дис. … канд. пед. наук. 2016. 236 с.

[96] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С.200.

[97] Гришанина А.Н., Гришанина М.Ю. Вопросы психолого-лингвистического исследования мотивов экстремистского речевого поведения молодежи в социальных сетях // Политическая лингвистика. 2019. № 3(75). С. 122. Сенин И. Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 143.

[98] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. 351 с.

возможных негативных последствий или опасности совершаемой ошибки. Притягательность экстремальных ситуаций кроется в желании выйти за установленные социальные рамки, испытать максимальное напряжение внутренних душевных и физических ресурсов[99]. В условиях транзитивного общества эта глубинная потребность в острых ощущениях делает молодежь крайне уязвимой к деструктивному влиянию радикальных сообществ, участие в которых удовлетворяет юношескую жажду риска и создает иллюзию уникального способа самореализации.

Обратной стороной описываемых черт может выступать выраженная склонность к протестным формам поведения. Любой социальный протест в этом возрасте глубоко эмоционально окрашен и является специфической формой выплеска негативных переживаний, порожденных юношеским максимализмом, социальной неустроенностью и неприятием традиционных институтов. Психологическая конфликтность и агрессивность выступают естественным проявлением сепарации от старших поколений, однако при отсутствии конструктивных каналов для выражения этого нонконформизма протестный потенциал легко канализируется в деструктивное русло. Экстремистские организации целенаправленно эксплуатируют данную уязвимость, трансформируя естественный поколенческий конфликт в радикальную оппозиционность и предлагая молодежи романтизированные сценарии бунта, которые легитимизируют применение крайних методов и насилия против «несправедливого» общества.

Таким образом, молодежь 14–25 лет представляет собой особую социально-правовую группу, чей транзитивный статус, незавершенная идентичность (кризис по Эриксону), юношеский максимализм и имманентная склонность к риску объективно делают ее наиболее уязвимой для экстремистской идеологии, создавая почву для выбора «негативной идентичности» и некритического усвоения радикальных идей. В условиях сетевого общества эти характеристики приобретают новое измерение в цифровом пространстве. Именно поэтому дальнейший анализ молодежного экстремизма невозможен без рассмотрения механизмов цифровой социализации, радикально трансформирующих как процесс взросления, так и каналы проникновения деструктивных влияний.

Контрольные вопросы

1. Чем обусловлена необходимость выделения молодежи в специфическую социально-правовую группу, и почему при анализе деструктивного поведения в интернете исследователи предлагают делать акцент именно на возрасте от 14 до 25 лет?

2. Раскройте содержание трех фундаментальных социальных функций молодежи, показав их взаимосвязь. Приведите пример, как инновационная функция молодежи в условиях цифровой среды может одновременно выступать источником как позитивных социальных перемен, так и риска трансформации в экстремистские проявления.

---

[99] Геворкова К.В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований: дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 162.

3. Опишите структуру ценностных ориентаций молодежи.

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

§ 2.2. Цифровая социализация молодежи

Под социализацией (от лат. socialis – общественный) принято понимать процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Он включает как целенаправленное воздействие на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на ее формирование[100]. При этом социализация носит непрерывный характер и охватывает всю жизнь человека, однако наибольшее значение она имеет в периоды становления личности, прежде всего в детстве, подростковом и юношеском возрасте.

В связи с тем, что значительная часть этого периода протекает во взаимодействии с цифровой средой, о чем упоминалось выше, в научной литературе был предложен термин «киберсоциализация» как разновидность социализации. Встречается следующая его трактовка, киберсоциализация – комплексный процесс качественных изменений мировоззрения, структуры самосознания и потребностно-мотивационной сферы личности, возникающий под влиянием и в результате взаимодействия человека с современными, передовыми информационно-коммуникационными, цифровыми и компьютерными технологиями в контексте интеграции, усвоения и воспроизводства культурных аспектов в рамках персональной жизнедеятельности индивида»[101].

Киберсоциализация протекает преимущественно в цифровой среде, однако ее результаты проявляются в поведении конкретного человека в офлайн-реальности. В трудах таких авторов, как Т. Барбер, Г. Одгард, В.А. Луков социализация молодежи XXI в. описывается как нелинейный, лишенный предсказуемости процесс, исход которого во многом зависит от комбинации чисто ситуативных факторов. В работах других авторов (М. Бейзерман и Д. Магнуссон, С.А. Моримото и Л.А. Фридланд) отражена идея об относительной автономности жизненного мира молодежи в силу того, что молодежь успешнее осваивает новые социальные практики и

[100] Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Социализация // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/278110 (дата обращения: 12.01.2025).

[101] Алиева З.А. Трансформация психологии личности под влиянием киберсоциализации // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Том 6. № 7. С. 194 –201.

технические новшества, ее жизненный мир может строиться на принципах, не зависящих от влияния более возрастных людей[102].

Упомянутая специфика смещения социализации в цифровую среду в процессе интенсивного сетевого взаимодействия личность начинает интериоризировать нормы, ценности, цели и правила поведения, продуцируемые не реальным обществом ее физического пребывания, а виртуальными сообществами, чьи конструкты зачастую лишены прочных историко-культурных корней[103].

Особенности такого процесса особенно ярко проявляются в социальных сетях, где, О.А. Чебунина отмечает, формирование достаточно специфической модели общения. Если в офлайн пространстве в центре коммуникации стоит сам молодой человек или подросток, следующий по важности круг общения составляет семья и ее члены, затем – друзья, знакомые, посторонние люди, то в онлайн-пространстве, особенно в социальных сетях, семья оттесняется на третьестепенные позиции. Ближайшими виртуальными связями оказываются друзья, а затем «виртуальные друзья» – то есть люди, с которыми отсутствует офлайн коммуникация, но которые постоянно находятся на связи в виртуальном пространстве. Эти «виртуальные друзья» оттесняют не только знакомых реальной жизни, но и семью, не говоря уже о педагогических работниках и «посторонних взрослых». Таким образом, социальные сети и возникающие на их основе виртуальные сообщества в современном обществе приобретают функции внеинституционального агента социализации наряду с традиционными агентами, такими как семья, образовательные учреждения, коллективы сверстников[104]. Эта среда, как показал М.В. Бештоков, является в настоящее время средой социализации молодежи. В этом качестве она обладает структурными характеристиками, которые, по мнению исследователей, присущи и всему интернет-пространству в целом:

– ролевой системой, включая собственные статусы во всем их многообразии;

– поведенческими установками, набором норм, правил, собственных традиций, формирующихся как в социальных сетях в целом, так и в конкретных сетевых сообществах и группах;

– формальной и неформальной организацией (формальная

– социальные сети как проекты коммерческого характера, неформальная – сетевые сообщества, создаваемые в социальных сетях);

---

[102] Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 193-194.

[103] Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 189-218.

[104] Чебунина О.А. Социальные Интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: дис. … канд. социол. наук. 2019. С. 32.

– наличием регулирования социальных отношений в сетях специальными нормами и организациями (законодательство, контролирующие органы в сфере коммуникационного надзора, правоохранительные органы);

– набором определенных социальных действий, совершаемых именно в социальных сетях[105].

В отличие от традиционной социализации, где агенты социализации играют максимально значительную роль, в виртуальной социализации вектор задает сам индивид, который самостоятельно выбирает для себя социальные сети, сетевые сообщества, круг виртуального общения. То есть фактически индивид в социальной сети начинает себя социализировать сам, подписываясь на те группы и паблики, которые изначально вызывают у него интерес, и отказываясь от тех групп и пабликов, которые ему безразличны или в которых он видит для себя какую-то опасность. При этом следует понимать, что в психологическом отношении для современного человека его онлайн-контакты могут быть куда более значимыми, чем офлайн-коммуникация, поскольку дают безграничные возможности для самопрезентации и самореализации[106]. В этом также одна из главных особенностей социальных сетей, превратившихся в альтернативную реальность и предоставляющих человеку совершенно иные, чем он обладает в реальном мире, возможности, в том числе и в плане коммуникации, строительства отношений с другими пользователями. Таким образом, можно говорить о плюрализме жизненных миров и стратегий в социальных сетях, что позволяет человеку не просто взаимодействовать с другими людьми в виртуальном пространстве, но и конструировать «под себя» социальную реальность.

Процесс социализации современной молодежи обуславливает двоякий результат. С одной стороны он может обеспечивать успешное освоение новых социальных практик, с другой стороны способен вести к десоциализации в реальном социуме, повышая уязвимость индивидов перед деструктивным информационным воздействием.

К цифровым практикам можно отнести:

1. Цифровую коммуникацию. Молодежь в два раза больше общается с близкими и друзьями онлайн, чем в обычной жизни (61% и 33%)[107]. Коммуникативные практики молодежи реализуются преимущественно через социальные сети и мессенджеры в рамках модели «массовой самокоммуникации», когда субъект сам задает параметры генерируемого сообщения и выбирает адресатов. Специфическим языком цифровой культуры и социальной вовлеченности стала мем-культура. половина всех

---

[105] Ефимова Т.В. Интернет как среда социализации современной личности // В мире научных открытий. 2013. № 4-5 (41). С. 195–209.

[106] Фоменко А.А. Специфика социальных сетей как фактора социализации молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3491–3495.

[107] Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи : аналит. обзор / ВЦИОМ. Москва, 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 11.11.2025).

опрошенных (а в возрастной группе 18–24 лет абсолютное большинство) применяют мемы в повседневном общении ежедневно[108].

2. Цифровую самопрезентацию. Если на ранних этапах развития Интернета пользователи тяготели к анонимности и смене ролей, то современная молодежь активно транслирует реальную информацию о себе, превращая личный профиль в детализированное описание личности.

О.А. Чебунина выделяет три базовые стратегии самопрезентации в сети:

- Создание образа идеального субъекта для преодоления заниженной самооценки и улучшения психологического самочувствия.
- Отражение бессознательных (зачастую девиантных) компонентов «Я», не находящих выхода в офлайн-реальности из-за давления общественных норм.
- Формирование универсального виртуального субъекта, стремящегося к максимальному признанию (в виде «лайков», комментариев и числа подписчиков)[109].

Для молодежи важным становится даже не только соответствие образцу в мире социальных конструкций, сколько презентирование своего следования этому образцу в цифровом пространстве (в социальных сетях, на страницах официальных ресурсов, в электронной почте или мессенджерах). Вплоть до того, что если субъект не оставляет цифровых следов, под вопрос попадает само его существование. Также важным становится то, какие каналы цифровой коммуникации (например, официальный или частный) использует социальный агент в этом презентировании[110].

3. Потребление и распространение контента. Отличительной чертой цифрового поколения является стирание жесткой границы между производителем и потребителем культурного контента. Молодежь активно вовлекается в практики совместного творчества, например, создают ремейки видео, тематические паблики и блоги.

При этом для значительной части молодежи цифровое поведение ориентировано преимущественно на микрокоммуникации и персонализированное потребление. Пользователи охотнее сохраняют контент «для себя» или пересылают его в личные (закрытые) чаты, нежели регулярно публикуют собственный уникальный контент для широкой публики. Выражение реакций (постановка «лайков», репосты) становится самостоятельным актом социального действия и способом формирования общих смыслов со своим окружением.

---

[108] Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи : аналит. обзор / ВЦИОМ. Москва, 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 11.11.2025).

[109] Чебунина О.А. Социальные Интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: дис. … канд. социол. наук. 2019. С. 102.

[110] Пеннер Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 2. С. 98-113.

4. Участие в онлайн-движениях и акциях. Интернет выступает ключевой площадкой для реализации общественной и политической активности молодого поколения. Цифровое пространство существенно снижает порог входа в различные гражданские инициативы, формируя так называемую молодежную гражданскую культуру[111]. Социально одобряемые онлайн-практики включают цифровое волонтерство, краудфандинг, благотворительность и координацию просветительских проектов.

Перечисленные социальные практики расширяют коммуникативные возможности личности, облегчает доступ к знаниям, способствует включению в разнообразные формы социальной активности, развивает навыки самопрезентации, сетевого взаимодействия и гражданского участия.

При этом длительное пребывание в цифровом пространстве ведет к развитию тяжелых форм компьютерной и интернет-зависимости (игровой аддикции), а также номофобии (панического страха остаться без гаджета и связи). Часть молодых людей выбирает для себя полностью изолируются от общества, семьи и учебы (феномен «хиккикомори»). Также размытие границ между приватным и публичным создает зоны уязвимости, в частности эпатажное или неосторожное обнажение личной информации формирует риски кибербуллинга и шантажа.

Таким образом, цифровая социализация молодежи представляет собой сложный, нелинейный и амбивалентный процесс, в рамках которого формирование личности происходит под влиянием не только традиционных социальных институтов, но и цифровой среды, обладающей собственной системой норм, ценностей и механизмов воздействия. В отличие от классической социализации, здесь существенно возрастает роль самого индивида как субъекта выбора социальных связей и информационного окружения, что одновременно расширяет возможности самореализации и повышает риски вовлечения в деструктивные практики. В этих условиях цифровая социализация выступает не только фактором интеграции молодежи в современное общество, но и потенциальным источником социальной дезадаптации, что требует ее дальнейшего анализа в контексте формирования экстремистских установок в молодежной среде.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается суть понятия «киберсоциализация» и каков двоякий результат этого процесса для современной молодежи?

---

[111] Невесенко Е.Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети интернет на развитие социальной активности молодежи: дис. … канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 74.

2. Как меняется структура круга общения подростка в социальных сетях по сравнению с офлайн-реальностью, и чьи нормы он начинает усваивать?

3. Каково главное отличие виртуальной социализации от традиционной с точки зрения роли самого индивида?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

ГЛАВА 3. ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА

§ 3.1. Понятие и признаки экстремизма

Научное осмысление экстремизма представляет собой сложную задачу, так как в современной гуманитарной науке и законодательстве до сих пор не сложилось единого, унифицированного определения этого феномена[112]. Исследователи подчеркивают, что экстремизм – это многогранное явление, которое можно рассматривать как идеологию, политику и специфический способ достижения целей[113].

В рамках философского подхода экстремизм осмысляется через его онтологические и антропологические основания, трактуя это явление как деструктивно-деятельностное выражение человеческой сущности и специфическую форму отчуждения, ориентированную на уничтожение привычной идентичности[114].

Сущностью экстремизма выступает абсолютная категоричность, при которой собственная позиция рассматривается как единственно верная, что порождает гипертрофированную самоидентификацию и бинарное деление мира на «хорошее» и «плохое» без признания промежуточных связей[115].

Кроме того, современный экстремизм рассматривается как порождение эпохи Модерна, ставшее результатом девальвации традиционных ценностей и формирования «разорванного сознания» в условиях глобальных трансформаций[116].

Социологический подход рассматривает экстремизм как специфический тип девиантного поведения, направленного против устоявшихся социальных норм, правил, принципов и ценностей общества. В отличие от юридической науки, социология анализирует экстремизм не просто как нарушение правовых норм, а как отступление от общепринятых культурных образцов и традиций, подчеркивая его антисистемный характер[117]. Данный феномен трактуется как форма радикального отрицания правил общественного устройства, возникающая в условиях дезориентации граждан и слабости социальных институтов, что ведет к разрушению

---

[112] Бааль Н.Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде: научно-практическое пособие. М., 2022. С. 6

[113] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. филос. наук. Пятигорск, 2010. 150 с.

[114] Геворкова К.В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований: дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 13.

[115] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 10.

[116] Геворкова К.В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований: дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 11

[117] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. С. 21.

интерпретационных схем, помогающих людям ориентироваться в социальном пространстве. [118]

Генезис экстремизма в социологии связывается с состоянием «общества риска» и периодами глубоких трансформаций, когда возникающий «вакуум ценностей» и социальная нестабильность лишают людей ясных жизненных перспектив. Основными факторами радикализации признаются социальное неравенство, маргинализация населения, незавершенная модернизация и системная депривация, порождающая у индивидов чувство обиды и ущербности. Таким образом, экстремизм выступает не как случайная девиация, а как неадекватный, но социально обусловленный способ разрешения противоречий, к которому прибегают группы, утратившие доверие к легитимным институтам власти и нормам диалога[119].

Психологический подход рассматривает экстремизм как результат радикализации личности и деформации сознания, где ключевую роль играют внутренние побуждения и эмоциональные состояния индивида[120]. В основе такого поведения лежат эгоцентризм, своеволие и потребность человека «выйти за пределы своего Я», чтобы вырваться из обыденности и совершить необычный поступок[121]. В частности, Н.В. Муращенкова определяет экстремизм как вид насилия, целенаправленное преднамеренное агрессивное поведение личности (речевое или деятельное) по отношению к другому человеку или социальной группе, связанное с нарушением базового чувства доверия к миру, мотивированное идеологией личного превосходства, нетерпимостью и ксенофобией к объекту насилия[122].

Психологическая дифференциация «свои – чужие» является фундаментальным механизмом человеческой психики, однако в случае экстремизма она претерпевает деструктивную трансформацию, становясь конституирующим элементом личности. Противостояние «чужим» становится во многом идеализированной самоцелью.

---

[118] Бааль Н.Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде: научно-практическое пособие. М., 2022. С. 17.

[119] Кудрин В.С. Социально-культурные условия предупреждения молодежного экстремизма как социального риска: дис. … канд. пед. наук. 2016. 236 с.

[120] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. С. 124.

Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

[121] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. 212 с.

[122] Муращенкова, Н.В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. психолог. Наук. Смоленск, 2014. С. 8.

Формирование установки на агрессию по отношению к другому происходит в том случае, если человек привык некритично относиться к своим взглядам и поступкам, и считает себя несравнимо выше других. Существует две особенности психики человека, которые служат почвой для образования подобных установок. Первая особенность состоит в том, что люди, похожие на нас, кажутся нам привлекательнее, и безопаснее, тех, кто от нас отличается. Принадлежность к какой-то группе людей придает человеку чувство уверенности и собственной значимости. Объединяться люди могут в принципе вокруг любой идеи, даже самой абсурдной. В этом случае «Другие» и «не такие» тоже нужны, но чтобы сильнее почувствовать принадлежность к «своим»[123].

Также следует отметить, что для экстремизма свойственна специфическая концептуальность, оперирование некими идеальными априорными схемами-конструкциями, содержащими в себе принципы предполагаемого более «лучшего» социального устройства[124].

Вторая особенность заключается в том, что некоторые люди, сознательно или бессознательно перекладывают ответственность за свою жизнь на кого-то другого («Во всем виноваты евреи, негры, богатые, «враги народа» и т.д.) Психологически это срабатывает как способ защиты и самооправдания от собственных неудач. Если это состояние дополняется социально-психологической неустойчивостью, то проявления нетерпимости, агрессии, ксенофобии вплоть до экстремизма могут развиваться в еще более явной степени[125].

Эмоционально-чувственное восприятие превалирует над рациональным расчетом. Экстремистские установки часто формируются в состоянии психологической фрустрации, вызванной невозможностью достичь своих целей или ущемлением жизненных потребностей. Возникающая агрессия становится защитной реакцией на «невыносимые» условия, и, получая поддержку в ближайшем окружении, она закрепляется как устойчивая черта личности[126].

Сложное социологическое объяснение возникновения экстремистских и радикальных движений предложено Т. Гурром, выдвинувшим теорию «относительной депривации». Согласно этой теории, люди начинают проявлять наибольшее недовольство и склонность к насилию при расхождении между ценностными ожиданиями группы и ее нереализованными ценностными возможностями[127].

---

[123] Данилов Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму С. 24.

[124] Геворкова К. В. Экстремизм универсальные черты и спектр формообразований: дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 22.

[125] Данилов Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму С. 25

[126] Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. 351 с.

[127] Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 51.

В рамках политологического подхода исследователи фокусируются на изучении радикальных идеологий, программ и их влиянии на политическую жизнь общества[128]. Экстремизм здесь трактуется как приверженность крайним взглядам и мерам, возникающая в условиях ослабления государственной власти, дискредитации институтов и распада прежней системы ценностей[129]. Политический экстремизм – это радикальный, идеологически (идейно и ценностно) обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные и противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации[130].

Главной целью такой активности является низвержение существующей власти и дестабилизация политического режима для установления нового порядка, зачастую авторитарного или тоталитарного типа[131].

Исследование сущности политического экстремизма позволяет предположить, что его происхождение связано с критическими, чрезвычайными, экстремальными обстоятельствами, в которых оказываются те или иные социальные субъекты[132].

Экстремизм следует отличать от близких к нему по смыслу понятий. Исследователи указывают, что понятие «экстремизм» отличается от понятия «экстремальность» и отражает деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса; характеризует крайние устремления индивида в условиях процесса экстремального развития; представляет специфическую форму отчуждения, ориентированную на уничтожение регулярной идентичности. Существенным признаком экстремизма является не экстраординарность и неожиданность, присущая экстремальному поведению, и даже не насилие и агрессия, а злой умысел, злонамеренность, злодейство, часто переходящее в изуверство.

Представляется, что экстремальность и экстремизм – атрибутивные характеристики любого социума, однако будут ли они эксплицитными или имплицитными, – зависит от состояния политической, экономической, социокультурной сфер общества, в случае если общество, его основные социальные институты и подсистемы функционируют стабильно, не

---

[128] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар 2012. С. 20.

[129] Кудрин В.С. Социально-культурные условия предупреждения молодежного экстремизма как социального риска: дис. … канд. пед. наук. 2016. С. 34.

[130] Арчаков М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С 17.

[131] Бааль Н. Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде: научно-практическое пособие. М., 2022. С. 33.

[132] Арчаков М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С 17.

подвержены тенденциям дезорганизации и не содержат признаков дисфункциональности, высока вероятность того, что экстремальность не перерастет в состояние экстремизма (тем более учитывая природу экстремальности, часто соседствующей с риском, инновациями, стремительным прогрессом). Напротив, общества, находящиеся в кризисе, отличающиеся аномичным характером, подвержены «злокачественной модификации» экстремальности в экстремизм[133].

Также следует указать на схожесть, но не тождественность рассматриваемого понятия и радикализма. В толковом словаре Ожегова радикализм имеет два значения. В первом случае это политическое течение, ориентирующееся на проведение демократических реформ в рамках существующего строя. Во втором решительный образ действий. Ключевые отличия заключаются в отношении к правовым рамкам и социальному диалогу. Радикализм может оставаться в рамках правового поля, преследуя цели решительного изменения институтов, но не нарушая при этом существующих пределов, установленных законодателем[134]. В свою очередь, экстремизм характеризуется принципиальным отказом от диалога и легитимных правил борьбы, а также готовностью к использованию насилия для дестабилизации систем. Радикальность при определенных условиях может выступать предтечей экстремизму.

С другой стороны, крайней формой проявления экстремизма есть терроризм[135]. Терроризм выступает как практическое его воплощение и продолжение. По данному вопросу в научной среде существует иная точка зрения существует мнение, заключающаяся в том, что терроризм это самостоятельное явление, содержательно отличающееся от экстремизма[136]. И.С. Макеева на основе законодательства Российской Федерации приходит к такому выводу. Приводятся следующие аргументы.

Нормы, регламентирующие ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. ст. 280, 2801, 282–2823 УК РФ) и преступления террористического характера (ст. ст. 205–2055 УК РФ), расположены в разных разделах и, соответственно, главах Особенной части УК РФ, тем самым их фактическое отличие заключается в качественном характере охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Верховный Суд РФ, дифференцируя содержание терроризма и экстремизма, сформировал отдельные постановления, разъясняющие

---

[133] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. 141 с. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 9.

[134] Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 79.

[135] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. философ. наук. Пятигорск, 2010. С. 29.

[136] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 20.

вопросы судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности и по делам о преступлениях террористической направленности.

Еще одним подтверждением отличия, на наш взгляд, является наличие двух действующих федеральных законов: № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которые также регулируют различный круг общественных отношений.

В криминологической практике разделение экстремизма и терроризма подтверждается разными перечнями, используемыми при формировании статистической отчетности: № 20 – преступления экстремисткой направленности и № 22 – преступления террористического характера. В свою очередь, статистическая отчетность позволяет проводить криминологические исследования преступлений, чтобы изучать процессы их детерминации, динамику, определять направления совершенствования борьбы с ними.

Необходимо отметить, что силы и средства противодействия экстремизму и терроризму также различны[137].

Несмотря на научные споры, в российском законодательстве террористическая деятельность включена в определение экстремистской деятельности как одна из ее форм[138]. Это приводит к тому, что любая террористическая организация одновременно признается экстремистской[139]. Общим для обоих явлений остается использование насилия или угрозы его применения, фанатизм, неспособность к толерантности и стремление к дестабилизации сложившихся в обществе отношений и ценностей.

Если экстремизм – крайность, то терроризм – крайность крайности, выступающая скорее логическим, но необязательным развитием экстремизма. Таким образом, экстремизм лишь с определенной степенью вероятности способен перерасти в терроризм. В то же время экстремизм может замкнуться в сфере идеологических абстракций, тогда как терроризм – практическое явление социально-политического характера, имеющее собственную идеологическую основу. Экстремизм может служить почвой (как идеология, социальная база и т.д.) для терроризма[140].

Терроризм является практическим выражением экстремистского мировоззрения, его крайним выражением, можно сказать, продолжением. Представляется, что терроризм отражает собой практический аспект экстремизма и его следует понимать как один из методов борьбы,

---

[137] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 21.

[138] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. философ. наук. Пятигорск, 2010. С. 25.

[139] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 145.

[140] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. С. 33-34.

противостояния. Основной сутью и целью современного терроризма, как крайней формы экстремизма, является создание обстановки страха как средства достижения определенных целей, а основным, его признаком - публичный характер применения насилия, рассчитанный на широкий общественный резонанс. Терроризм, с некоторым допущением, можно представить как составную, хотя и не обязательную часть политического экстремизма, его наиболее яркое и действенное проявление в социально-политической жизни общества. Политический экстремизм и политический терроризм, неразрывно связаны и неотделимы друг от друга[141].

Психологическая сущность экстремизма наиболее полно раскрывается через понятие фанатизма, который описывается как состояние человека, находящегося во власти «сверхценных» и сверхзначимых идей. Эти идеи придают жизни индивида исключительный смысл, ради которого он проявляет готовность жертвовать как собственной жизнью, так и жизнями других людей[142].

Фанатизм характеризуется «туннельным мировосприятием» и абсолютной категоричностью, категоричное деление на «своих» и «чужих», любая альтернативная точка зрения нетерпимо отвергается. В этой связке фанатизм выступает психологическим фундаментом и «высшим проявлением» радикальной направленности сознания, превращая агрессивность в устойчивое деструктивное убеждение.

Несмотря на содержательную близость, явления экстремизм и фанатизм не тождественны. экстремизм представляет собой более широкую категорию, охватывающую идеологию, политику и конкретную противоправную деятельность. Отмечается, что феноменология экстремизма не всегда требует наличия фанатизма – например, в случаях «профессионального» или «выгодного» экстремизма участники могут действовать из корыстных или расчетливых побуждений, не обладая глубокой духовной приверженностью идеалам группы[143].

1. Предлагается доктринальное определение понятия экстремизма в общей теории права и государства как обусловленного объективными реалиями социальноправового явления крайнего проявления психологических, идеологических и поведенческих элементов к конкретным общественным отношениям и их участникам[144].

Экстремизм - форма нигилистического отрицания охраняемых государством общественных отношений, направленная на их дестабилизацию и разрушение, проявляющаяся в виде идей и действий, связанных с применением или угрозой применения насилия.

---

[141] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. филос. наук. // Пятигорск, 2010. С. 28.

[142] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 51.

[143] Геворкова, К.В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований: дис. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 11.

[144] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 10.

Таким образом, правовой нигилизм и экстремизм соотносятся как общее и частное. При этом экстремизм выступает одной из форм проявления правового нигилизма. Одно из самых опасных последствий повсеместного правового нигилизма состоит в экстремизации общественного сознания, наблюдаемого в настоящее время во всех возрастных группах[145].

Юридическое определение экстремизма в российском праве, закрепленное в Федеральном законе № 114-ФЗ, характеризуется «перечневым» подходом, при котором понятие раскрывается через список конкретных противоправных деяний. Законодатель фактически отождествляет термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность»,

Федеральный Закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» является одним из основополагающих нормативно-правовых документов Российской Федерации, связанных с противодействием экстремистской деятельности. Но, следует заметить, что в данном документе отсутствует определение самому понятию «экстремизм» как явлению экстремистской деятельности, а присутствует лишь правовое закрепление перечня деяний, квалифицирующихся как экстремистские. В статье 1 данного федерального закона содержится юридическое определение того, какие действия относятся к экстремистской деятельности(экстремизму). Среди них отмечаются:

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

---

[145] Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: дис. … канд. юр. наук. Омск, 2011. 218 с.

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключенной 15 июня 2001 г. в г. Шанхае дается более развернутая трактовка сущности данного понятия (п. 3 ч. 1 ст. 1): «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»[146]. Данная Шанхайская конвенция была подписана шестью странами: Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан. Практически только через полтора года (в январе 2003 г.) она была ратифицирована и с 29 марта того же года вступила в силу на территории Российской Федерации.

Как «форма политической деятельности» определяется экстремизм в Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принятой в 2003 г., которая «явно или исподволь отрицает принципы парламентской

[146] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

демократии и основана на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма»[147].

Подобная форма определения часто критикуется в юридической науке за отсутствие четких родовых признаков явления, излишнюю громоздкость и возможность расширительного толкования, что создает риск правовой неопределенности[148] С точки зрения исследователей-правоведов, такой подход является серьезным недостатком названного Закона. Главным объектом критики является отсутствие в нормативном правовом акте описания тех признаков, которые, собственно, и придают перечисляемым действиям характер экстремистских. Несовершенство законодательно закрепленного определения экстремизма существенно ограничивает возможности его научного исследования[149].

Из приведенного определения можно выделить следующие признаки экстремизма:

- наличие иной экзистенциальной идеи, чем та, которая реализуется в данном государстве и обществе;
- нетерпимость к сторонникам иных политических, экономических, этнических, конфессиональных взглядов;
- достижение экстремистских целей путем нарушения установленных правовых норм;
- публичность и массовость распространения экстремистских взглядов;
- идеологическое обоснование применения насилия по отношению к любым лицам, не разделяющим убеждения экстремистов;
- преобладание эмоциональных способов выражения экстремистских идей;
- демонстративное игнорирование принятых в обществе нравственных правил и норм морали[150].

Целью экстремизма является дестабилизация и разрушение сложившихся в обществе отношений, ценностей и основ конституционного строя[151]. В то время как идеологические установки могут провозглашать построение «нового миропорядка» или теократического государства, практические цели зачастую сводятся к получению власти и материального

---

[147] Парламентская Ассамблея Совета Европы. Резолюция 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения: 11.03.2025).

[148] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 166.

[149] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 20.

[150] Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки // Философия права. 2007. № 4. С. 67.

[151] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 143.

благосостояния[152]. На индивидуальном уровне целью часто выступает разрушение прежней идентичности субъекта и поиск защищенности через полное слияние с радикальной группой

Системообразующим мотивом экстремистской деятельности выступает ненависть или вражда в отношении определенных расовых, национальных, религиозных или социальных групп. Как уже отмечалось в психологическом подходе, в основе этой мотивации лежит жесткая дихотомия «свои – чужие», при которой «чужой» воспринимается как экзистенциальная угроза, требующая устранения. Дополнительными стимулами могут служить глубокая фрустрация, чувство социальной несправедливости, а в ряде случаев – корыстная заинтересованность, особенно при вовлечении в деятельность зарубежных организаций[153].

Способы осуществления экстремизма включают как прямое насилие[154], так и современные информационно-коммуникационные технологии. Основными методами являются совершение террористических актов, организация массовых беспорядков, а также активное использование социальных сетей и мессенджеров для вербовки и координации действий[155], манипулирование общественным сознанием и цифровой саботаж, направленный на подрыв институтов власти[156].

Последствия экстремизма носят комплексный деструктивный характер, вызывая социальную дезорганизацию и подрыв национальной безопасности. Распространение экстремистских идей ведет к нагнетанию в обществе страха, нарушению гражданского мира и эрозии правовых и моральных норм. В долгосрочной перспективе это приводит к радикализации населения, ослаблению государственных институтов и создает реальную угрозу суверенитету и территориальной целостности страны[157].

Перечневый подход законодателя вызывает ряд трудностей: во-первых, размываются границы явления, что затрудняет размежевание

---

[152] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 67.

[153] Тарима А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение транснациональных преступлений экстремистской направленности: дис. … канд. юрид. наук. М, 2025. С. 30.

[154] Сергеева Ю.В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. 2015. С. 25.

[155] Хованов И.С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в сети интернет: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 210 с.

[156] Диль В. А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 69.

[157] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 43.

экстремизма от иных правонарушений[158] возможность расширительного толкования и т.д.[159]

Экстремизм является многогранным социальным явлением, которое классифицируется в научной литературе и законодательстве по множеству различных оснований. Исследователи подчеркивают, что формы экстремизма в чистом виде встречаются редко и часто смешиваются друг с другом.

Ниже представлены основные виды экстремизма, сгруппированные по ключевым критериям.

1. Наиболее распространенная классификация, выделяющая области, в которых проявляются крайние взгляды является по сферам общественной жизни (направленности). Выделяют:

политический экстремизм - крайние взгляды в отношении политической системы, формы правления государства, формы государственного устройства и политического режима, пропаганда насильственных или агрессивных (основанных на страхе и подчинению силе) способов установления власти, вплоть до политического террора; непримиримость, бескомпромиссность к иным политическим партиям и позиции оппонентов. Политический экстремизм проявляется в незаконной деятельности политических партий и движений, а также должностных лиц и рядовых граждан, направленных на насильственное изменение существующего государственного строя, уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры тоталитарного порядка, разжигание национальной и социальной вражды[160].

Под экономическим экстремизмом понимается осознанная деструктивная экономическая деятельность отдельных лиц или групп, игнорирующая социальные и нравственные императивы, замедляющая, останавливающая или «опрокидывающая» гуманитарное развитие, приводящая к социальным потрясениям или деградации экономики социума, совершаемая с целью получения личных выгод в ущерб благополучию остальных граждан и социума в целом, и ее обоснование. Использование и провоцирование разрушительных для развития государства и социума аспектов действия экономических законов в личных или корпоративных корыстных интересах[161].

В религиозной сфере выделяется религиозный экстремизм - жесткое неприятие идей другой религиозной конфессии, агрессивное отношение и

---

[158] Ахметшин С.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 387 с.

[159] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 18

[160] Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. С. 36-37.

[161] Потоцкий, Н.К. Янгиров А.И. Противодействие экономическому экстремизму в молодежной среде // Образование и право. 2021. № 2. С. 380-383.

поведение к иноверцам, пропаганда незыблемости, «истинности» одного вероучения; стремление к искоренению и устранению представителей иной веры вплоть до физического истребления (что получает теологическое обоснование и оправдание). Особенность религиозного экстремизма в проявлении крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо противоборстве внутри одной конфессии (внутриконфессиональный и межконфессиональный экстремизм) и зачастую используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одной из конфессий[162].

Националистический (этнический) экстремизм основывается на идеях превосходства одной нации (этноса) над другими и направлен на разжигание национальной нетерпимости, дискриминацию в отношении представителей иных народов.

Экологический экстремизм представляет собой совокупность радикальных взглядов и действий, направленных против научно-технического прогресса и конкретных предприятий или государственных политик, наносящих, по мнению активистов, ущерб окружающей среде. Его сторонники рассматривают полную ликвидацию неблагоприятных производств как единственный эффективный путь спасения природы и зачастую прибегают к нелегитимным методам борьбы, включая диверсии, саботаж и агрессивные акции протеста против лиц, виновных в экологических преступлениях[163]. В своих крайних проявлениях могут использоваться террористические средства для привлечения внимания к экологическим проблемам или совершать физические нападения на людей, например, за ношение одежды из натурального меха животных. В качестве других актов экологического экстремизма можно привести нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия[164].

Культурный (духовный) экстремизм ориентирован на изоляционизм, отрицание достижений других культур или навязывание единых идеологических стандартов. Культурный экстремизм в России направлен на публичное оскорбление традиционных духовно-нравственных ценностей посредством разных видов искусства. Смысл проявлений культурного экстремизма сводится к тому, чтобы максимально снизить значение этих ценностей, показать их относительность, уязвимость, одновременно демонстрируя общественности свою «смелость» и «творческую

---

[162] Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. С. 39.

[163] Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 39.

[164] Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex Russica. 2018. № 9(142). С. 77.

оригинальность»[165]. По мнению, Н.Б. Бааль духовный экстремизм во многом является продуктом и порождением массовой культуры, своеобразным протестом в отношении всеобщей стандартизации[166].

В научной литературе нередко встречается классификация политического экстремизма в зависимости от идеологической составляющей, в соответствии с которой выделяют леворадикальный экстремизм базируется на идеях марксизма-ленинизма, анархизма, маоизма и троцкизма, объявляя себя защитником интересов трудящихся и «всех обездоленных»[167]. Его сторонники стремятся к немедленному разрушению капиталистического устройства и государственной системы ради построения «более справедливого» общества на основе общественной собственности. Основными объектами критики левых радикалов выступают социальное неравенство, эксплуатация, империализм и бюрократизация общества, при этом их деятельность часто ориентирована на тактику «сейчас и сразу» для достижения своих целей[168].

Праворадикальный экстремизм опирается на доктрины фашизма, расизма, национал-социализма и ультраконсерватизма. В основе его идеологии лежит культ сильной личности, идеи расового или национального превосходства и убежденность в биологическом неравенстве людей. Правые экстремисты выступают против институтов либеральной демократии, мультикультурализма и «упадка нравов», стремясь к установлению авторитарного порядка и защите интересов привилегированных слоев общества через насилие[169].

Несмотря на идеологическую полярность, оба направления объединяет принципиальный отказ от компромиссов, признание насилия единственным конструктивным способом трансформации общества и стремление к дестабилизации существующего строя. Согласно социологическим концепциям, эти течения различаются своей социальной базой: опорой левых традиционно выступают промышленные рабочие, в то время как правых представители буржуазии. В современных условиях может наблюдаться смешивание в определенной степени этих сил, когда на почве общего отрицания легитимности власти леворадикальные установки синтезируются с националистическими и религиозными концептами[170].

Предложенные классификации не охватывают всех видов проявления экстремизма. В юридической науке также выделяют спортивный

---

[165] Сигарев А.В., Смирнова М.С. Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 27-34.

[166] Бааль Н. Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 39.

[167] Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 26.

[168] Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 30

[169] Венцель С.В. Политический экстремизм в эпоху новых медиа: специфика, формы и технологии противодействия: дис. … канд. полит. наук. Краснодар, 2024. С. 58.

[170] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 62.

экстремизм, гендерный, потребительский, антиглобалистский, информационный (киберэкстремизм) и т.д.[171].

Контрольные вопросы

1. Опишите основные различия в объяснении причин возникновения экстремизма с позиций социологического и психологического подходов?
2. Раскройте как соотносятся между собой понятия «радикализм», «экстремизм» и «терроризм», и в чем состоят их ключевые отличия друг от друга?
3. В чем заключается специфика закрепления понятия «экстремизм» в российском законодательстве? Укажите достоинства и недостатки такого подхода.

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

§ 3.2 Социально-психологические основы экстремистского поведения

Предпосылки экстремистского поведения коренятся в особенностях личности, создающих психологическую восприимчивость к радикальным идеологиям.

В частности, авторитаризм в социально-психологическом контексте описывается как специфическая структура характера («авторитарная личность»), которая делает индивида крайне восприимчивым к антидемократической пропаганде и склонным к деструктивному поведению. Основными элементами такой личности являются конвенциализм (фанатичная приверженность ценностям своей группы), авторитарное раболепие – некритическое, раболепное подчинение идеализированным авторитетам, и авторитарная агрессия, выражающаяся в стремлении осуждать и наказывать тех, кто нарушает принятые нормы[172]. Этот тип сознания характеризуется «психической тугоподвижностью» и ригидностью установок, при которых уважение к силе и потребность в иерархии становятся доминирующими чертами личности[173].

---

[171] Муленков Д.В., Филина Н.В. Понятие, формы и виды экстремизма // Журнал прикладных исследований. 2023. № 1. С. 146-149. Ищенко О.В., Шарифханов Д.Д. К проблематике понятия «спортивный экстремизм» // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 1(94). С. 23-31. Римский А.В, Меняйло Д.В. К проблеме типологии экстремизма: политико-правовой и философский анализ // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 3(39). С. 130-146.

[172] Адорно Т. Исследование авторитарной личности. // Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. М., 2001. 416 с.

[173] Данилов П. А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2011. С. 26.

Психологическим механизмом авторитаризма выступает склонность к подчинению «сильной руке», которая часто является результатом подавления скрытой враждебности к носителям власти (например, родительским фигурам), переадресуемой затем на внешние группы или «чужаков». Для авторитарной личности равенства не существует, так как мир для нее жестко поделен на «сильных и слабых», «вождей и последователей», «молот и наковальню». Такая дихотомичность мышления порождает крайнюю нетерпимость к любым отклонениям от нормы, превращая «другого» в экзистенциальную угрозу, что служит моральным оправданием для применения насилия и установления жесткого контроля[174].

В условиях социальной нестабильности авторитаризм трансформируется в массовый запрос на «сильную власть» и вождя, чей диктат воспринимается как единственный способ наведения порядка и соблюдения государственной дисциплины. В этом процессе индивид превращается в своего рода запрограммированную «машину», которая действует по предписанным нормам, утрачивая критическое мышление, но сохраняя иллюзию самостоятельности[175]. В конечном итоге авторитарный субъект добровольно отказывается от собственной ответственности и самости, полностью растворяясь в коллективе или подчиняясь внешней силе, что делает его идеальным инструментом для реализации экстремистской деятельности[176].

В качестве другого значимого личностного основания следует выделить догматизм.

К вопросу о когнитивной «открытости» и «закрытости» как познавательных стилях раньше всех вплотную подошел М. Рокич, американский социальный психолог, у нас в стране больше известный исследованиями ценностных систем. В работе 1960 года он исследует природу предрассудков и догматического мышления, разъясняет психологические процессы, посредством которых человек выстраивается в систему убеждений, прослеживает связь между убеждениями и типом личности. Этот же автор несколькими годами ранее обозначил вопрос догматизма как явления, тесно сплетенного с когнитивной закрытостью. М. Рокич определяет догматизм как когнитивное состояние, включающее закрытые когнитивные системы, авторитаризм и нетерпимость. Ключевой для понимания догматизма является закрытая когнитивная система, которая представляет собой «центральное ядро» убеждений, которому подчиняются периферические представления. Центральное звено охраняется системой «веры и неверия». Вера и неверие - две крайних когнитивных установки при оценке какого-либо объекта или явления. Центральное ядро создает

---

[174] Калужина М.А., Пухарева Т.С. Социально-психологические паттерны, детерминирующие экстремистское мировоззрение, и их познавательная роль в решении задач оперативно-розыскной профилактики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 2(93). С. 152-160.

[175] Сергеева Ю.В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: дис. … канд. юр. наук. 2015. С.16.

[176] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 20.

ограничения на принятие новых идей и, соответственно, направляет нетерпимость. В ранних работах М. Рокича понятие когнитивной закрытости играло вспомогательную роль. Как одна из составляющих, оно характеризовало явление догматизма и составляло одну из граней когнитивной структуры при догматизме. Догматизм же представляет собой тенденцию сохранять наиболее устойчивые и неизменные убеждения, не подвергаемые сомнению[177].

Ценность М. Рокич определяет как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования». Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками: 1) общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в разной степени; 3) ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения. Рокич различает два класса ценностей: терминальные и инструментальные Терминальные ценности он определяет как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться; инструментальные ценности как убеждения в том, что определенный образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях. Для диагностики индивидуальных иерархий ценностей Рокич разработал ставший весьма популярным метод прямого ранжирования ценностей, сгруппированных в два списка терминальных и инструментальных ценностей. Масштабные исследования, проведенные им с помощью этого метода на общенациональной американской выборке, позволили выявить и проанализировать связь декларируемой значимости (ранга) различных ценностей с такими переменными, как пол, возраст, социальное положение, доход, образование, расовая принадлежность, политические убеждения[178].

Догматизм в структуре экстремистского сознания выступает как специфическая форма «закупоренности сознания», характеризующаяся непоколебимой убежденностью в обладании абсолютной истиной. Этот психологический конструкт рождает ощущение исключительности собственной позиции, которая видится приверженцу окончательной и не подлежащей сомнению. Интеллектуальная ограниченность, лежащая в основе догматизма, лишает субъекта способности к критической рефлексии

---

[177] Ясин М.И. Концепция когнитивной закрытости: история и смежные понятия // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 174-181.

[178] Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологический журнал. 1993. № 3-4. С. 34-45.

и самокритике, заменяя их безапелляционными заявлениями и нежеланием слушать или понимать оппонента.

В практическом плане догматизм выражается в установлении монополии на «единственно правильное» толкование идеологических или религиозных учений, при котором любые иные трактовки воспринимаются как враждебные. Для такого типа мышления характерна жесткая дихотомичность и зацикленность на «конечных определениях», что превращает окружающую действительность в арену борьбы «черного и белого». Догматик оперирует идеальными априорными схемами, которые не допускают компромиссов или поиска консенсуса, что неизбежно ведет к росту социальной интолерантности и принципиальному отказу от диалога.

Психологическая функция догматизма заключается в предоставлении радикально упрощенной картины мира, которая защищает индивида от тревоги и страха перед сложностью реальности. Принятие жестких, не подлежащих сомнению догматов позволяет субъекту избегать личной ответственности за принимаемые решения, перекладывая ее на «высшую волю» или авторитет лидера. Таким образом, догматизм становится фундаментальной основой экстремизма, оправдывающей использование насилия как единственного способа защиты этих «незыблемых» истин от любого внешнего посягательства

Другим важным элементом социально-психологической основы рассматриваемого явления является агрессивность, под которой в психологии понимают это личностный конструкт, представляющий собой относительно устойчивую черту личности, который определяется как готовность, предрасположенность к агрессивному поведению, которая отличается деструктивными тенденциями, как правило в области субъект-субъектных отношений, а также подвержена изменениям под влиянием социума[179]

В структуре агрессивности часто выделяют когнитивный – привычка интерпретировать нейтральные или неоднозначные действия как враждебные (враждебность, подозрительность, неадекватные представления), эмоциональный характеризуется повышенной раздражительностью, вспыльчивостью, злостью, низким порог фрустрациии (дискомфортное эмоциональное состояние, которое возникает из-за реальной или кажущейся невозможности получить желаемое) поведенческий или волевой (готовность к физической или вербальной агрессии) компоненты[180]

Нельзя упускать из виду и то, что при сходстве понятий агрессивности личности и агрессивного поведения они все же не тождественны. Причиной агрессивных действий не всегда является агрессивность личности.

И наоборот, агрессивность личности не всегда проявляется в открытых агрессивных действиях. Агрессивное поведение есть результат

---

[179] Михайлова О.Б., Сафи С.М., Шептура А.В. Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении // Мир науки. 2017. Т. 5, № 6. С. 83.

[180] Банщикова Т.Н. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 8. С. 71-75.

взаимодействия трансситуативных[181] и ситуативных факторов. Первопричиной агрессивных действий неагрессивной личности служит фактор ситуации. Агрессивные действия агрессивной личности обусловливаются взаимодействиями трансситуативных и ситуативных факторов, причем примат принадлежит личностным качествам[182].

Важно подчеркнуть, что рассмотренные черты авторитарность, догматизм агрессивность, не предопределяют человека как экстремиста, но делают его более восприимчивым к радикальным идеологиям.

Индивидуальный опыт психологической травмы и психической депривации, заложенный в раннем детстве (например, из-за эмоционального отвержения родителями), выступает фундаментом для формирования асоциальной позиции. Такая изоляция от позитивной микросреды препятствует усвоению общепринятых нравственно-правовых норм, которые начинают восприниматься личностью как «чужие» и не обязательные для исполнения. В результате формируется деформированное мировоззрение, характеризующееся отсутствием эмпатии и внутренней опустошенностью, что делает человека восприимчивым к ложным идеалам и радикальным призывам[183].

Систематический опыт унижения и попрания человеческого достоинства выступает мощным триггером для поиска деструктивных способов «восстановления справедливости». Личности, переживающие постоянное угнетение и нарушение личной безопасности, склонны использовать экстремистские стратегии как эмоциональный выход для накопленной злобы и чувства бессилия[184].

Социальная маргинализация и отчуждение от общественных институтов создают ситуацию, в которой индивид чувствует себя лишь объектом влияния внешних факторов[185]. Испытывая дефицит конструктивных каналов самореализации, маргинализированные лица ищут признания в антиобщественных группах, состоящих из таких же «отчужденных» индивидов[186].

---

[181] Трансситуативные факторы - это устойчивые особенности психики и способы деятельности, которые влияют на поведение и психические состояния личности в более широком масштабе времени, чем актуальная ситуация

[182] Шестакова Е.Г., Дофман Л.Я. Агрессивное поведение и агрессивность // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2009. № 7(64). С. 51-66.

[183] Кораблев С.Е., Красненкова С.А. Социально-психологические и культурные истоки самосознания экстремиста // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 89-95.

[184] Инсарова Н.Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 1. С. 77-84.

[185] Лазарева О.С. Роль миграционных процессов в системе детерминации экстремистской преступности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 4(64). С. 31-36.

[186] Калужина М.А., Пухарева Т.С. Социально-психологические паттерны, детерминирующие экстремистское мировоззрение, и их познавательная роль в решении

Многократно воспроизводится «треугольник Карпмана», в котором участники постоянно меняются местами. Длительное угнетение одной социальной группы нагнетает напряжение до критической точки, после которой под предводительством некоего лидера (спасителя) происходит кризис, взрыв. Этим взрывом может стать любое проявление ответной агрессии: восстание, революция, террористическая атака. Угнетенная сторона не испытывает сомнений в правоте и справедливости своих действий; мир для нее остается черно-белым, не наполняясь другими красками. Как правило, действия «восставших» сопровождаются риторикой «огня и меча», и их лидеры непременно обещают, что, как только справедливость будет восстановлена, можно будет зажить мирно, никого не обижая. Подобные ожидания не оправдываются до тех пор, пока обе стороны сознательно не решат выйти из этой системы координат и не договорятся о правилах[187].

Сочетание перечисленных факторов формирует у индивида устойчивое переживание собственной «чуждости» по отношению к обществу и его нормам, порождая дефицит эмпатии, внутреннюю опустошенность и готовность к деструктивным формам самоутверждения. На этой почве экстремистская идеология и соответствующие группы выступают как кажущееся средство восстановления утраченного достоинства и значимости, переводя накопленные обиду и бессилие в русло «правомерного» насилия. Тем самым субъективный опыт травмы и исключенности оказывается не только фоном, но и ключевым психологическим механизмом уязвимости личности к радикализирующему воздействию, что требует учета этих факторов при анализе групповых процессов и стадий радикализации.

Потребности в принадлежности и значимости являются фундаментальными для формирования идентичности и социального бытия личности. Потребность в принадлежности (аффилиации) проявляется в стремлении человека найти свою референтную социальную группу, перенять ее ценности, обрести чувство защищенности и достичь безусловного доверия, где он может быть понят и не встретит критики[188]. Комплементарно ей выступает потребность в значимости и самоутверждении, которая мотивирует индивида к самореализации, проявлению коммуникативной активности, достижению жизненного успеха и лидерству[189]. Удовлетворение этих запросов позволяет человеку выработать чувство собственного достоинства и осознать свою

задач оперативно-розыскной профилактики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 2(93). С. 152-160.

[187] Инсарова Н.Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 1. С. 79-80.

[188] Шпара К.И. Сетевая структура современного общества: дис. … канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 150 с.

[189] Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022. С. 516.

самоценность благодаря достижениям, которые при этом не ущемляют окружающих.

Однако невозможность удовлетворить данные потребности легитимным путем часто приводит к социальной дезадаптации и толкает личность (особенно молодежь) на поиск альтернативных, нередко деструктивных путей, например, в рядах радикальных и экстремистских группировок. Участие в таких структурах компенсирует жизненные неудачи, позволяет преодолеть фрустрацию[190]. Сливаясь с навязанной универсальной идеей (например, величием нации), человек становится частью могущественного целого, избавляется от одиночества и обретает искусственное чувство собственной значимости, психологически защищаясь путем перекладывания ответственности за свои проблемы на образ врага.

В условиях современного информационного общества реализация потребностей в значимости и принадлежности активно смещается в киберпространство. Сетевые сообщества предоставляют индивиду удобную площадку для конструирования нового образа своего «Я», позволяя воплотить психологические запросы, оставшиеся нереализованными из-за неудовлетворенности реальной социальной идентичностью. Интернет-коммуникация помогает преодолеть дефицит повседневного общения, объединиться с единомышленниками и открывает широкие возможности для самоутверждения через виртуальную активность, социальную карьеру внутри сети и сетевое сотворчество. Таким образом, виртуальная среда становится новым пространством, где человек способен ощущать причастность к группе по интересам и повышать собственный статус вне физических ограничений.

Феномен групповой поляризации – это социально-психологический процесс, при котором в ходе группового обсуждения первоначальные мнения участников не усредняются (не приходят к компромиссу), а расходятся к противоположным полюсам, становясь более радикальными и экстремальными. Детальное изучение этого явления началось на рубеже 1960–70-х годов под руководством французского психолога С. Московиси[191].

Поляризация запускается при обсуждении спорных вопросов, не имеющих однозначного решения (например, проблем морального выбора). Если участник дискуссии занимает полярную позицию и заявляет о ней публично, он практически никогда не принимает противоположную точку зрения – наоборот, он лишь сильнее убеждается в собственной правоте. При этом те участники, у которых изначально не было сформированного мнения, обычно присоединяются к той стороне, чьи аргументы кажутся им более убедительными. В итоге группа делится на два непримиримых лагеря.

Частным случаем групповой поляризации является открытый в 1961 году Дж. Стоунером эффект «сдвига к риску» (или сдвига к

---

[190] Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. 320 с.

[191] Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 2. С. 159-171.

осторожности), когда коллективное решение группы оказывается значительно более рискованным (или, наоборот, консервативным), чем первоначальные индивидуальные намерения ее членов[192].

В рамках теории социального сравнения сдвиг объясняется, подчеркивающим стремлением выгодно отличаться от других, основанным на предположении о том, что люди мотивированы стремлением в лучшую сторону отличаться от других. До начала коллективного обсуждения индивид выстраивает свои предпочтения на основе воображаемого мнения «среднего» участника, стараясь занять позицию, которая будет хотя бы слегка превосходить эту норму (быть «немного радикальнее»), чтобы продемонстрировать свою лояльность и соответствие идеалам. В процессе реальной дискуссии, когда участники открывают для себя истинный уровень установок друг друга, запускается процесс взаимного группового сравнения. Чтобы соответствовать образу лидера и сохранить статус наиболее приверженного ценностям группы участника, индивид вынужден смещать свои взгляды еще дальше к экстремальному полюсу, что в итоге приводит к радикализации всей группы.

Вытеснение сомневающихся участников на периферию или за пределы группы выступает важнейшим механизмом поддержания и усиления групповой поляризации, обеспечивающим иллюзию абсолютного внутригруппового единомыслия. По мере того как позиция коллектива смещается к радикальному полюсу, внутри него подавляется критическое мышление и формируется жесткая нетерпимость к любой форме критики или инакомыслия. Индивиды, которые пытаются сохранить умеренность, высказывают сомнения в правильности экстремального курса или стремятся к поиску компромисса, начинают восприниматься радикализованным «ядром» как угроза сплоченности и лояльности[193]. В результате срабатывают механизмы жесткого внутреннего социального давления, цензуры и психологического остракизма, которые лишают сомневающихся влияния, оттесняя их на статусную периферию, либо полностью исключают из состава общности как «чужаков». Такое принудительное «очищение» рядов искусственно сводит вариативность мнений к нулю и окончательно замыкает оставшихся участников в изолированной среде (информационном пузыре), где исчезает доступ к альтернативным аргументам, а любые радикальные взгляды получают безусловное одобрение и поляризуются еще сильнее, поскольку у каждого члена группы возникает стойкое убеждение, что его позицию безоговорочно разделяют абсолютно все.

С культурно-символической точки зрения конструирование образа врага в радикальной группе опирается на жесткую бинарную оппозицию «мы – они» и глубинный архетип «чужого», который воспринимается как

---

[192] Жуков А. А. Эффект «сдвига к риску» и феномен поляризации во время группового принятия решения в профессиональных группах // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 3(35). С. 48-52.

[193] Бааль Н. Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде: научно-практическое пособие. М., 2022. С. 105.

экзистенциальная угроза привычному миру и ценностям[194]. В результате этого процесса реальные люди полностью лишаются своих индивидуальных особенностей, представая перед членами группы в предельно искаженном, обобщенном и «плакатном» виде. Группа демонизирует оппонентов, наделяя их тотально враждебными и разрушительными свойствами, при этом понятие личной виновности исчезает: враг подлежит уничтожению исключительно за свою принадлежность к категории «зла» и несоответствие «высшим идеалам» группы. Для окончательного закрепления этого образа и деперсонализации «чужих» активно применяются механизмы стигматизации и язык ненависти, включающий уничижительную лексику, бранные ярлыки и обезличивающие метафоры (например, сравнение людей с «саранчой» или «стаей волков»), что позволяет экстремистам с минимальными психологическими издержками лишить оппонента статуса равноправного субъекта и морально оправдать применение к нему агрессии[195].

Субкультура и контркультура представляют собой особые социокультурные феномены, различающиеся по степени неприятия господствующих общественных порядков. Субкультура выступает как относительно самостоятельный вариант общей культуры, обладающий собственной специфической музыкой, модой, стилем поведения, жаргоном и формами организации досуга. В свою очередь, контркультура базируется на осознанном, целенаправленном и часто агрессивном отчуждении от традиционных ценностей, идеалов и нравственных принципов старших поколений, представляя собой прямое противостояние доминирующим нормам[196]. В реальности эти формы часто сливаются в единую среду, обладающую высоким протестным потенциалом и выступающую пространством для развития радикальных идей.

Радикальные группировки активно используют готовые субкультурные формы для создания прочной внутренней солидарности и оформления своей идеологии. В качестве маркеров идентичности применяется специфический стиль одежды (например, стиль «милитари», камуфляж, тяжелые ботинки, куртки), особая музыка (радикальные направления рока и рэпа), сленг и визуальные символы, включая видоизмененную или заимствованную нацистскую атрибутику[197]. Для вступления в подобный закрытый коммуникативный круг новичкам часто требуется пройти определенную «инициацию» или ритуал[198]. Эти

---

[194] Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С. 122.

[195] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юр. наук. Москва, 2010. 257 с.

[196] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 153.

[197] Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юр. наук. Москва, 2010. С. 77.

[198] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 17.

культурные практики, изначально рассчитанные на эпатаж или устрашение, способствуют жесткой герметизации группы, непроницаемости для альтернативной информации и закрепляют непреодолимую границу между «своими» и враждебными «чужими».

Сама контркультурная рамка задает четкую норму радикальной оппозиции к государству и обществу, в которую легко и органично встраиваются экстремистские политические или социальные сюжеты. Поскольку для контркультуры характерно системное противостояние единовластию, «культуре большинства» и стирающей различия гомогенности, в ней формируется протестная идентичность. В эту среду легко проникают идеи радикального обновления мира через насилие. В результате контркультурный стиль политизируется и перерастает в антисистемную оппозицию, для которой насилие становится приемлемым методом.

Для маргинализированных, травмированных и социально неустроенных индивидов (социальных депривантов) такая субкультурная и контркультурная среда становится естественным каналом вхождения в радикальные и террористические сообщества. Поскольку эта среда изначально предполагает дистанцию, отчуждение от «большого общества» и отрицание его традиций, она легко вбирает в себя людей, чувствующих социальную обделенность и отсутствие жизненных перспектив. Попадая в группу через обычные молодежные увлечения (музыку, спорт, интернет-сообщества), индивид находит там суррогатную поддержку и «защиту»[199]. В условиях такой культурной обособленности его личные обиды и агрессия перенаправляются лидерами экстремистского подполья на конкретный образ врага, окончательно превращая субкультурный протест в криминальную активность.

Описанные выше индивидуальные и групповые факторы задают психологическую уязвимость личности к радикальным идеям. Однако сами по себе они еще не означают неизбежного перехода к экстремистскому поведению. Решающее значение приобретает динамика радикализации – процесс, в ходе которого определенный образ мира, эмоциональное отношение к нему и модели действия выстраиваются в последовательность, ведущую от субъективного недовольства к готовности оправдывать и применять насилие.

Таким образом, преступное поведение молодых людей, в некоторой мере и подростков, во многом детерминируется субкультурными установками на эскалацию социальных конфликтов, прежде всего в сфере распределения материальных благ, отстаивание личной свободы, борьбу за собственные убеждения. Такие установки при определенных условиях трансформируются в мотив вражды и ненависти к социальным конкурентам и оппонентам, называемый экстремистским[200].

---

[199] Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: дис. … д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 398.

[200] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И. Глинский, И.Ю. Сундиев, В.В. Аванесян. М., 2020. С. 42-43.

Контрольные вопросы

1. Раскройте связь такие личностных черт таких, как авторитаризм и догматизм, с предрасположенностью человека к экстремистскому поведению?
2. В чем суть социально-психологического феномена групповой поляризации, и какие механизмы используются радикальной группой для поддержания иллюзии единомыслия?
3. Каким образом социальная маргинализация и фрустрация базовых потребностей толкают молодежь к участию в контркультурных и радикальных сообществах?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

ГЛАВА 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 4.1. Экстремизм в сети Интернет как новая форма поведения

В научной литературе для описания экстремизма в сети Интернет используется целый ряд понятий, отражающих различные аспекты этого явления.

Наиболее распространенным термином является «информационный экстремизм». Под ним исследователи понимают деятельность, осуществляемую с использованием информационно-коммуникационных технологий, сопряженную с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния для достижения нелегитимных и противоправных целей[201].

Помимо этого, ученые применяют и другие синонимичные или уточняющие термины, например, интернет-экстремизм, используется для прямого обозначения противоправной активности, пропаганды и совершения деяний непосредственно в пространстве глобальной сети[202], киберэкстремизм[203], применяется для отражения специфики использования киберпространства для совершения экстремистских преступлений, как синоним – электронный экстремизм[204].

Признаки, характеризующие экстремизм в виртуальном пространстве, являются массовость, трансграничность (экстерриториальность), анонимность, сетецентричность, интерактивность.

1. В условиях виртуального пространства экстремизм приобретает наивысшую степень публичности и массовости, поскольку любая размещенная в сети информация моментально становится доступной глобальной и неограниченной аудитории. Если в недавнем прошлом деятельность радикальных групп локализовывалась рамками конкретного района или города, то благодаря интернет-технологиям их коммуникация трансформировалась из межличностной в по-настоящему массовую, способную охватывать миллионы пользователей[205]. Размещенные в социальных сетях, на форумах и сайтах деструктивные материалы, призывы и пропагандистские видеоролики потенциально открыты для просмотра,

---

[201] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 59.

[202] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 249.

[203] Побегайло А.Э. Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности // Обозреватель - Observer. 2025. №5 (112). С. 105-119.

[204] Никитин А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. … канд. юр. наук. Москва, 2010. С. 37.

[205] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С.4.

копирования и тиражирования любым желающим без пространственных и временных ограничений.

Важным аспектом массовости является то, что достижение такого масштабного охвата аудитории требует от экстремистских организаций минимальных финансовых и организационных затрат. Информационно-телекоммуникационные сети превосходят традиционные средства массовой информации по широте охвата и скорости распространения идеологии, позволяя радикальным движениям быстро вербовать новых сторонников в молодежной среде[206].

2. Трансграничный (экстерриториальный) характер виртуального пространства означает принципиальное отсутствие географических и государственных границ для распространения экстремистской информации. Информационные и коммуникационные сети ломают устоявшиеся представления о действии правовых норм в пространстве, позволяя идеологам радикализма беспрепятственно управлять деструктивной деятельностью на территории одних стран, физически находясь за их пределами[207]. На практике это выражается в том, что подавляющее большинство русскоязычных сайтов экстремистской и террористической направленности регистрируются на зарубежных доменах и серверах, располагаясь вне отечественной юрисдикции[208].

Такая экстерриториальность создает серьезнейшие препятствия для правоохранительных органов в сфере контроля, блокировки деструктивного контента и привлечения виновных лиц к юридической ответственности. В случае выявления и ограничения доступа к информации на одном ресурсе, она может быть легко и быстро скопирована на серверы в других странах, где подобная деятельность формально не противоречит местному законодательству. Для эффективного противодействия этой угрозе недостаточного усилий отдельных государств. В противодействии рассматриваемого феномена требуется консолидированное межгосударственное сотрудничество.

3. Опосредованная виртуальная коммуникация предоставляет пользователям беспрецедентные возможности для сокрытия своих реальных установочных данных. Общение на радикальных форумах, в чатах и социальных сетях протекает преимущественно под вымышленными именами (псевдонимами, «никами»). Злоумышленники активно используют технические средства конспирации такие как программы для генерации ложных IP-адресов, зарубежные прокси-серверы, шифрование данных и

---

[206] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. С. 110.

[207] Буклова З.К. Правосознание в современном информационном обществе (теоретико-правовой анализ): дис. … канд. юр. наук. М., 2011. С. 137.

[208] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. С. 110.

закрытые каналы связи[209], что позволяет им длительное время оставаться неидентифицированными, скрывать следы своей активности и безопасно координировать противоправные действия.

На социально-психологическом уровне анонимность выступает мощным катализатором радикализации, поскольку она формирует у пользователей стойкую иллюзию вседозволенности, неуязвимости и полной безнаказанности[210]. Отсутствие прямого визуального контакта и привычных социальных санкций раскрепощает личность, снимает нравственные барьеры и высвобождает скрытые комплексы и агрессию. Молодые люди, уверенные в том, что их личность в киберпространстве надежно скрыта, гораздо легче вовлекаются в распространение жестокого контента и призывы к насилию, совершая в сети такие поступки, на которые они не решились бы в реальной жизни.

4. Развитие информационных технологий привело к развитию децентрализованных сетевых структур экстремистский формирований. В современной виртуальной среде экстремизм приобретает форму автономных периферийных ячеек или дисперсного «роя» физических лиц, которые могут быть слабо связаны друг с другом в реальности, но объединены общим идеологическим полем[211]. В такой сетевой модели над группами зачастую не стоит единый харизматический лидер, а координация действий, обучение тактике террора и обмен информацией осуществляются горизонтально через интернет-сообщества[212].

Сетецентричность делает радикальные сообщества гибкими, жизнеспособными и неуязвимыми для классических методов силового противодействия. Блокировка отдельного сайта, группы в социальных сетях или арест локальных исполнителей не приводят к разрушению всей сети, поскольку на их месте мгновенно возникают новые узлы и «банды-однодневки»[213]. В научной литературе отмечается, что функционирование такой сети опирается на самоорганизацию и доверие между участниками виртуального сообщества[214].

---

[209] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Краснодар, 2012. С. 71.

[210] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. С. 23.

[211] Забарин А.В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1(181). С. 25.

[212] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 73.

[213] Забарин А.В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1(181). С. 23-45. Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

[214] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. философ. наук. Пятигорск, 2010. С. 92.

5. Интерактивность виртуальной среды кардинально отличает цифровой экстремизм от традиционной пропаганды через печатные издания или радио, где информация подавалась исключительно в одностороннем порядке. В глобальной сети контент доступен не просто в виде статических страниц, в ней идет интенсивный двусторонний обмен мнениями в режиме реального времени через форумы, блоги, чаты и комментарии. Данная специфика позволяет экстремистам не только публиковать свои манифесты, но и моментально отслеживать реакцию аудитории, вступая в прямые контакты с сочувствующими пользователями по всему миру.

Благодаря интерактивности рядовой интернет-пользователь из пассивного потребителя информации переформатируется в активного соавтора и ретранслятора деструктивного контента. Радикальные лидеры используют этот механизм для тонкого психологического манипулирования: они осуществляют информационные вбросы, чтобы втянуть в острые политические или межнациональные дискуссии случайных молодых людей, заставляя их комментировать и постепенно принимать экстремистские установки как свои собственные[215]. Кроме того, интерактивные элементы (перекрестные ссылки, лайки, рейтинги) создают прочную паутину личностных взаимоотношений и формируют у пользователя устойчивое чувство групповой принадлежности.

Специфика объекта современного киберэкстремизма заключается в его существенном расширении. Так наряду с традиционными объектами уголовно-правовой охраны[216], такими как жизнь и здоровье граждан, общественная безопасность и основы конституционного строя мишенью посягательств становятся другие блага, имеющие нематериальный характер. Примером может послужить цифровая идентичность пользователей в сети.

А.Л. Крайнов отмечает, что в виртуальном мире перманентной симуляции копия становится главнее оригинала, создаваемый цифровой образ – главнее его реального владельца. Оскар Уайльд задолго до возникновения проблемы цифровой идентичности описал подобный феномен в романе «Портрет Дориана Грея». И. О. Щедрина обозначает проблему разграничения автора и нарратора, связанную с мифотворчеством человека о самом себе в виртуальном пространстве, приводящем к множеству образов автора. Каждый из них есть результат нарратива, каждый их них по-своему правдив, но итогом подобной мультипликации становится размытие цифровой идентичности. Побег от реальности в цифровое мета-пространство порождает цифровых двойников автора, таких же реальных для виртуальной среды, как и он сам[217].

Угроза радикальной пропаганды в этом случае в виртуальном пространстве заключается в деформации сознания личности, размытии ее

---

[215] Мозговой В. Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. С. 48.

[216] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[217] Крайнов А.Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, № 2. С. 139.

аутентичности и подменой реального мировоззрения агрессивными стереотипами и навязанными ролями.

Способы проявления экстремизма в виртуальном пространстве носит ярко выраженный опосредованный характер, опираясь на использование информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых средств. Неправомерные деяния реализуются через создание, размещение, массовую пересылку (рассылку) и модификацию контента (текстовых сообщений, видеороликов, графических изображений) на форумах, в блогах, социальных сетях и мессенджерах[218]. Отказываясь от прямых физических столкновений на этапе вовлечения, экстремисты используют психологическое и речевое воздействие, превращая цифровое пространство в главное орудие для достижения наивысшей степени публичности и мгновенного распространения экстремистской идеологии на неограниченную аудиторию.

Важно обратить внимание на то, что противоправное деяние может иметь исключительно цифровую форму, но при этом порождать масштабные офлайновые последствия[219]. Весь путь подготовки от трансляции радикального контента и вербовки сторонников до дистанционной координации действий в чатах и финансирования акций через электронные платежные системы протекает скрытно в виртуальной среде, при этом в неопределенный момент проявиться в физическом реальном мире в качестве правонарушений экстремистской направленности[220].

Аудитория, подвергающаяся информационному воздействию экстремистов сегментирована по специфическим интересам, возрастным характеристикам и идентичностям[221]. Важно отметить, что эта аудитория во многом формируется не только за счет осознанного выбора самого пользователя, но и посредством работы алгоритмических рекомендательных систем, в частности анализа специальным программным обеспечением цифровых следов и автоматически выстраивает связи, предлагая релевантный радикальный контент. Структурно такая аудитория напоминает воронку, которая включает в себя узкое организованное «ядро» уже радикализированных активистов (идеологов, лидеров заражения) и широкую периферию, состоящую из любопытствующих и случайных зрителей, которые лишь начинают втягиваться в деструктивный дискурс[222].

---

[218] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. 2017. С. 57.

[219] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 12-13

[220] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. С. 73.

[221] Забарин А.В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1(181). С. 35.

[222] Забарин А.В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1(181). С. 31.

В онлайн-аудитории экстремистских ресурсов концентрируются специфические субъекты с отличительными особенностями:

- лица с опытом социальной депривации и маргинализации, испытывающие острый дефицит личной значимости, фрустрацию и сильную потребность в принадлежности (аффилиации)[223];
- пользователи с высокой степенью включенности в цифровую среду, для которых характерен поверхностный, «клиповый» формат потребления информации и которые легко реагируют на развлекательную упаковку или геймификацию[224];
- группы, для которых сеть Интернет выступает основным каналом киберсоциализации и получения новостей, полностью заменяя влияние традиционных институтов семьи и школы[225].

В цифровой среде кардинально меняется роль пользователя. Он перестает быть просто пассивным получателем информации и одновременно становится ее активным потребителем и ретранслятором через лайки, репосты, комментарии. Возникает социально-психологический парадокс, заключающийся в том, что человек может совершенно не считать себя участником экстремистской деятельности и воспринимать свои действия как простое общение, однако фактически он выступает соучастником, который поддерживает, легитимизирует и обеспечивает вирусное распространение радикальной повестки.

Подобный тип аудитории, где граница между пассивным «зрителем» и активным «участником» размыта, ведет к серьезным проблемам для правовой оценки и профилактики. Для правоприменителей возникает сложность в разграничении реальной общественной опасности идеологов экстремизма и действий рядовых пользователей, которые ставят лайки или делают репосты из любопытства либо из-за случайного эмоционального заражения, не до конца осознавая противоправность своих деяний. В сфере же профилактики это диктует острую необходимость перехода от формальных запретов к проактивному формированию информационной грамотности, цифровой гигиены и критического мышления уязвимых групп, чтобы защитить их от воздействия манипулятивных алгоритмов.

Масштабирование воздействия экстремистских идей на аудиторию в цифровой среде усиливается благодаря специальным механизмам характерным для нее. Например, современные цифровые платформы устроены таким образом, что их алгоритмы автоматически продвигают и усиливают контент, вызывающий максимальную вовлеченность пользователей, которая выражается в просмотрах, реакциях, лайках, репостах и комментариях. В этих условиях радикализированный контент

---

[223] Писаренко О.Н. Социальная природа экстремизма: дис. … канд. философ. наук. Пятигорск, 2010. С.10.

[224] Атагимова Э.И., Рыбакова О.И. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения 2022. № 3(44). С. 30.

[225] Хабинов С.К. Криминалистическая характеристика молодежного экстремизма в эпоху цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4(115). С. 236.

изначально обладает преимуществом так как будучи эмоционально заряженным, пугающим или конфликтным, он быстрее захватывает внимание и беспрепятственно попадает в рекомендательные ленты[226]. Это запускает эффект лавинообразной «цепной реакции» (или вирусного заражения)[227]. Возникает эффект кумулятивности, при котором широкий отклик создает у аудитории впечатление массовой поддержки, формируя убежденность в том, что радикальные идеи разделяются большинством и являются социальной нормой.

Проводники экстремистский идей в интернете применяют механизмы точечного вовлечения с помощью таргетинга. Анализируя цифровые следы пользователей (историю поисков, подписки, предпочтения), они могут приближаться к очень узким сегментам аудитории, дифференцируя их по интересам, языку, региону или возрасту[228]. Для успешного обхода критического мышления используется развлекательная упаковка, соответствующая ожиданиям конкретной аудитории мемы, короткие видеоролики, сленг, а также маскировка радикальных идей под нишевые интересы (музыка, плакат, листовка, демотиватор, граффити, карикатуры, видеопослания)[229].

Важным нововведением является появление взаимосвязи между большинством деструктивных движений. Это означает, что каждое движение предлагает пользователю не только свою идеологию, но параллельно рекламирует идеи других деструктивных движений. Этот процесс получил наименование перекрестного опыления. В этом и есть основной смысл воронки вовлечения, основная задача которой состоит в том, чтобы по мере вовлечения подростков в деструктивные сети молодые люди постепенно превращались из обычных интернет-пользователей в опасных деструктивных активистов. Кроме того, «перекрестное опыление» позволяет значительно увеличить количество подписчиков всех сообществ[230].

Масштабирование в сети происходит не только по ширине (количество людей, охваченных в моменте), но и по глубине времени. В отличие от традиционных форм распространения информации, цифровое событие не стирается из памяти с моментом его завершения. Даже если оригинальный контент или страница автора удаляются администрацией

---

[226] Кастельс М. Власть коммуникации 4-е изд. М., 2023. 591 с.

[227] Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 75-107.

[228] Кружкова О.В., Воробьева И.В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 176.

[229] Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 209.

[230] Иудин А.А., Шпилев Д.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 85-91.

платформы, экстремистские материалы продолжают автономно циркулировать в сети за счет активностей пользователей (сохранение архивов, скриншотов, создание «зеркала» ресурса и повторная загрузка материалов). Благодаря этому контент сохраняет свою поражающую силу и продолжает воздействовать на все новых случайных зрителей.

Финальным этапом масштабирования является переход от разовых актов коммуникации к формированию полноценной информационной среды так называемого «протоэкстремистского поля». Совокупность перекрестных ссылок, телеграм-каналов, тематических пабликов, закрытых чатов и постоянного вброса «мягкого» радикального контента создает вокруг пользователя герметичную экосистему («эхо-камера»). Масштабирование в этом смысле измеряется уже не просто числом просмотров, а поддержанием постоянно действующей виртуальной среды, в которой процесс радикализации и перестройки базовых убеждений протекает рутинно и совершенно незаметно для самого пользователя.

Традиционные формы проявления экстремизма адаптируются к развитию технологий. Как отмечает Е.О. Кубякин, «генезис и развитие новой формы социального пространства со значительно возросшей ролью информационно- коммуникационных технологий приводит к изменениям в характере и направленности различных социальных явлений, процессов. Экстремистские движения и группы успешно адаптируются в новых условиях и усиливают эффективность своего воздействия на сознание и поведение молодежи посредством использования «высоких технологий» в своих антисоциальных целях»[231].

Рассмотрим некоторые из них. Например, создание экстремистских материалов в цифровом пространстве представляет собой технологически простой и малозатратный процесс конструирования деструктивного контента, нацеленного на максимальное информационно-психологическое воздействие. Для эффективного обхода критического мышления, особенно у молодежной аудитории, создатели отходят от традиционных объемных текстов в пользу мультимедийных и «креолизованных» форматов таких как интернет-мемы, демотиваторы, карикатуры и короткие видеоролики, где визуальный образ неразрывно связан с манипулятивным текстовым комментарием[232]. При производстве контента активно применяются специфические приемы, в частности лингвистическая демагогия, навешивание ярлыков, использование инвективной лексики и конструирование мифологизированного мира для жесткого разделения общества на «своих» и враждебных «чужих».

Распространение экстремистских материалов также имеет особенности в цифровом пространстве. В отличие от традиционной офлайн-среды, где распространение информации требует физического перемещения материальных носителей (листовок, брошюр), специфика заключается в

---

[231] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис. … канд. социол. наук. 2016. С. 54.

[232] Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 189-218.

многократном копировании и дублировании файлов без каких-либо пространственных и временных ограничений. Конечной целью такого непрерывного тиражирования является создание самодостаточного параллельного информационного поля, которое слабо контролируется государством и в котором экстремистские материалы доступны всегда и везде.

Доступность противоправного контента может сохраняться вопреки блокировкам правоохранительных органов, злоумышленники применяют широкий арсенал технологических приемов. Ключевыми из них выступают, создание зеркал (копий) интернет-ресурсов, что позволяет быстро перенаправлять пользователей с одного домена на другой. Для обхода автоматической фильтрации платформ применяется скрытие деструктивного контента (стеганография) внутри других объектов (фото-, видео-, текстовых и иных материалов)[233], а также распространение зашифрованных ссылок и QR-кодов, ведущих на закрытые чаты или теневые сегменты сети, например в Даркнет». Теневой сектор интернета представляет собой несколько крупных частных компьютерных сетей, работающих по принципу анонимности, что часто используется преступниками для продажи оружия, наркотиков, а также осуществления иных видов преступлений. К нему относят анонимные сети, такие как «Tor» (от англ. The Onion Router) и «I2P» (от англ. invisible internet project – проект «Невидимый интернет»)[234].

Г.И. Узембаева обращает внимание и на то, что в случае размещения в интернете видеофайлов, отражающих ту или иную экстремистскую акцию (например, избиение человека определенной национальности), с соответствующими комментариями к ним. стоит говорить о «двойной публичности» экстремистских действий, когда одно публично совершенное деяние становится поводом и основой для других публичных действий, при совершении которых уже используется сеть «Интернет». Не исключены и факты онлайн трансляции совершаемых экстремистских действий. Поэтому сеть «Интернет» может служить как средой, в которой формируются экстремистские идеи и взгляды, так и средством совершения преступлений экстремистской направленности лицами с уже сформированными мотивами ненависти и вражды[235].

Иные экстремистские материалы могут быть замаскированы под легальный или развлекательный контент (юмор, исторические материалы,

---

[233] Абаринов А.Д. Криминалистическое обеспечение выявления и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием стеганографии // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. №3 (23). С. 28-35.

[234]Сарычев А. В., Архипцев И. Н., Сополева Д. М. Проявление экстремизма в «Даркнете» и меры борьбы с ним // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 209-217.

[235] Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. 2016. С. 104.

образовательный контент) с целью недопущения критического осмысления пользователями.

3.Создание и участие в экстремистских сообществах онлайн представляет собой сложный социокультурный и технологический процесс, в ходе которого формируется самодостаточная виртуальная среда обитания.

В отличие от традиционных (офлайновых) экстремистских ячеек, которые были жестко привязаны к определенной территории и требовали физических встреч в конкретных местах, цифровое сообщество функционирует как пространство постоянного и непрерывного присутствия. Виртуальная коммуникация выведена за пространственные и временные рамки. Пользователь постоянно находится на связи и получает моментально обновленную информацию в смартфоне в круглосуточном режиме. Иными словами, создается параллельная реальность, в которой он непрерывно взаимодействует с единомышленниками.

Экстремистские объединения не ограничиваются одним форматом, они используют весь спектр коммуникационных платформ. В частности:

- Публичные паблики и открытые группы в социальных сетях, служащие витриной для массовой аудитории.
- Тематические интернет-форумы и блоги, где ведется интенсивный интерактивный обмен мнениями и идеологическая обработка.
- Закрытые чаты в мессенджерах (Telegram, Discord), используемые для безопасной и зашифрованной связи «ядра» сообщества[236].
- Исходя из того, куда имеет доступ пользователь в определенной степени можно говорить о его уровне вовлеченности в противоправную деятельность.

Стоит обратить внимание на еще одну характерную особенность рассматриваемых сообществ. Они сочетают в себе черты массовых движений и закрытых сект. С одной стороны, они насчитывают тысячи или десятки тысяч подписчиков, обеспечивая массовый охват[237]. С другой стороны, внутри них лидеры и организаторы которых стремятся к установлению подчинению индивида правилам организации внутри своих группировок, используя для этого прием герметизации (то есть блокировки других каналов передачи информации). Следует учитывать, что герметизация в таком сообществе носит односторонний характер - субъекты отгораживаются от окружающего мира, в то время как сама теоретическая база данного образования активно распространяется и взаимодействует с внешним миром[238].

В виртуальном пространстве экстремистские сообщества выполняют ряд критически важных функций, обеспечивающих их жизнеспособность:

---

[236] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 234.

[237] Иудин А.А., Шпилев Д.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 88.

[238] Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. С. 16.

Указанные группы выступают средой, где новички усваивают новые нормы поведения, радикальный сленг, символику и специфическую картину мира, разделяющую общество на врагов и союзников. Модераторы постоянно подогревают эмоциональный фон, вовлекая пользователей в ночные чаты, дискуссии и конфликты. Создается психологическая зависимость от общения, у участников поощряется чувство собственной исключительности («элитарности»). Отмечается, что запускается механизм, применяемый вербовщиками в религиозные секты. В частности, им предлагается, например, войти в закрытую группу паблика или форума, то есть стать членом круга избранных, «кем-то из немногих»; получить повышение в существующей иерархии посетителей паблика, то есть так называемые знаки отличия, например кличку, прозвище, номер. В частности, модераторы движения АУЕ[239] предоставляли особо активным и хорошо зарекомендовавшим себя пользователям доступ к страничкам в сети, посвященным жизни уголовных авторитетов, воров в законе[240].

Онлайн-сообщества служат площадкой для передачи опыта. Публикуются инструкции по конспирации, изготовлению самодельного оружия, методам обхода блокировок, оправдывается насилие, а также осуществляется сбор финансовых средств на поддержку задержанных соратников. Функционирование таких сообществ направлено на изоляцию индивида от реального социума и замену традиционных институтов социализации. Модераторы деструктивных групп целенаправленно работают на то, чтобы радикально изменить ценностные ориентации молодого человека, дискредитировав прошлые авторитеты.

Задача экстремистского сообщества вырвать подростка из семьи, заменить ее «виртуальным братством», ограничить или обесценить его реальное общение в школе, вузе или на работе[241]. В результате виртуальное сообщество становится для человека новой суррогатной «семьей», ради идеалов которой он готов пойти на реальные преступления, шантаж или даже пожертвовать собственной жизнью.

В интернете экстремистские организации активно используют краудфандинг[242], собирая добровольные пожертвования от широкого круга сочувствующих лиц со всего мира. Для преодоления контроля со стороны государства и банковских структур эти сборы тщательно маскируются под благотворительную и гуманитарную помощи. Деньги собираются на строительство религиозных или образовательных учреждений, помощь

---

[239] Экстремистская организация, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

[240] Иудин А.А., Шпилев Д.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 85-91.

[241] Иудин А.А., Шпилев Д.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 90.

[242] Лучшев М.Д. Печерица Е.В. Краудфандинг как угроза финансирования терроризма в Российской Федерации // Управленческий учет. 2025. № 1. С. 325-332.

беженцам или поддержку сирот, однако фактически направляются на нужды радикальных группировок[243].

Также в социальных сетях и на тематических форумах объявляются целевые сборы на финансовую поддержку задержанных, оплату их адвокатов или помощь их семьям. В частности, в начале 2011 года функционировал сайт «Приморская герилья»[244]. Данный интернет-ресурс служил для сбора денежных средств, финансовой поддержки задержанных молодых людей и членов их семей; на нем были размещены фотографии и видеоматериалы, создающие позитивный образ участников группы; выложено обращение (воззвание) «партизан», открыто призывающее к вооруженной борьбе с властью[245].

Перевод средств осуществляется с использованием популярных электронных платежных систем, а также криптовалюты.

Радикальные сообщества могут получать доход от продажи атрибутики. А.А. Глухова, А.А. Иудин, Д.А. Шпилев провели контент-анализ 34 000 фрагментов переписки участников движения «Мир маньяков и серийных убийц»[246] в одной из социальных сетей, который позволил построить семантическое поле, в состав которого входит ряд основных тем одной из которых является финансирование работы интернет-ресурсов, посвященных «Миру маньяков и серийных убийц», в частности, с помощью продажи пользователям атрибутики движения через магазин «Маньяк-шоп». Существование этого магазина оправдывается тем, что полученная в результате торговли выручка позволяет не засорять ленту юзеров рекламой. Кроме того, покупая себе определенный аксессуар, пользователь «очень сильно помогает развитию сообщества»[247]. Финансирование может быть организовано и через реализацию контента и рекламы. Отмечается получение доходов, за счет совершения иных преступлений[248].

Интеграция информационно-телекоммуникационных технологий в противоправную деятельность привела к фундаментальной эволюции организационных структур экстремизма. Произошел закономерный переход

---

[243] Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

[244] Деятельность данной группировки была пресечена, а ее информационные материалы признаны судом экстремистскими и включены в Федеральный список экстремистских материалов Российской Федерации.

[245] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. 351 с.

[246] Признано террористической организацией. Деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

[247] Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Деструктивные социальные движения «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц»: формирование криминальной идеологии // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 3. С. 618.

[248] Тарима А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение транснациональных преступлений экстремистской направленности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М, 2025. С. 19.

от классических иерархических моделей к децентрализованным полицентричным сетям, а затем к атомизированным структурам и эфемерным (временным) объединениям. внутренние и внешние связи строго не регламентируются формальными рамками и обязанностями, а базируются на общих ценностях и нормах поведения, разделяемых членами экстремистской организации и сочувствующими. По мнению Ю.С. Горбунова, исследовавшего международный терроризм «наибольшее распространение получила одна из сетевых моделей «полная матрица» или так называемая SPIN-структура (сегментированная, полицентричная, политически интегрированная сеть)». В данной модели, построенной как сотовая структура, взаимодействуют несколько групп, имеющих различных лидеров и объединяющихся для решения общих задач. В этом случае организация как таковая формально не существует, так как нет единого названия, фиксированного членства, филиалов, харизматического лидера и т.д. Автономные ячейки-соты не нуждаются в формальной команде, чтобы исполнить, например, террористический акт, поскольку считают себя в состоянии постоянной войны на враждебной территории. Каждая такая ячейка самостоятельно готовит и осуществляет террористический акт, и сама себя финансирует[249].

Формирование таких сетей в виртуальном пространстве базируется на концепции «слабых связей». Ячейки и отдельные участники могут практически не взаимодействовать напрямую и не знать друг друга, но они объединены общим информационным полем и единым «сетевым кодом» (критериями распознавания «свой-чужой»)[250]. Коммуникация осуществляется через закрытые чаты в мессенджерах и распределенные облачные хранилища, что заменяет необходимость физических встреч.

Прочность сети обусловлена их дублированием и множественностью, а не жесткостью Ликвидация отдельного узла, сайта или арест конкретной ячейки не приводит к разрушению организации. Сетевая структура обладает высокой способностью к регенерации, моментально создавая новые связи и маршрутизируя информационные потоки в обход заблокированных элементов.

При подобном построении организации большую роль играет отдельный индивид, который на основе понимания цели, идеологических установок, личной ответственности, прежде всего, перед самим собой планирует, координирует и осуществляет экстремистскую деятельность. Подобная деятельность напоминает «броуновское движение», с виду предельно хаотичное, но имеющее общую цель и разные способы ее достижения[251].

Данный феномен стал возможен исключительно благодаря цифровой среде, которая обеспечивает процесс саморадикализации. самостоятельного

---

[249] Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С. 263.

[250] Фролова А.С. Сетевое общество и идеологическое пространство России: специфика взаимовлияния и протекания сетевых процессов: дис. … канд. филос. наук. 2015. С. 70.

[251] Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С. 266.

поиска и потребления контента террористической направленности, который становится идеологической почвой для возможного совершения действий экстремистского или террористического характера[252]. Действия саморадикализировавшихся индивидов, опирающихся на руководства из интернета, носят непредсказуемый характер и правоохранительным органам затруднительно выявить его на стадии подготовки.

Обычным для сетей является образование временных сообществ, создаваемых для решения конкретной задачи и самоликвидирующихся после ее выполнения. В результате отношения в организации пронизываются множеством сложных связей. Небольшие первичные ячейки специализируются на выполнении определенного рода задач: добывание информации, поиск источников финансирования, анализе, обеспечении безопасности, связи и т.д.[253]

В рамках цифровой среды организация временных сообществ трансформировалось. Сборка таких структур осуществляется по алгоритмическому принципу через механизмы вирусной мобилизации. Организаторы временных экстремистских сообществ используют таргетированные рассылки и хештеги для мобилизации ранее не связанных между собой пользователей вокруг конкретного информационного повода.

Координация действий толпы в офлайне зачастую происходит в режиме реального времени через социальные сети. Как только акция завершается, толпа дезинтегрируется в массу обычных граждан, а виртуальные каналы координации (временные чаты) удаляются, не оставляя следов для последующего анализа связей[254].

Применение подобной тактики оказывает серьезное давление на силы правопорядка, так как требует реагирования на множество хаотичных вспышек противоправной активности, которые затруднительно спрогнозировать классическими методами.

Рассмотренные изменения демонстрируют высокую адаптивность экстремистских сообществ под архитектуру цифровой пространства, что требует от правоохранительных органов соответствующей реакции для обеспечения общественной безопасности.

Контрольные вопросы

1. Раскройте трансграничный (экстерриториальный) характер и фактор анонимности экстремизма в сети Интернет, как они влияют на поведение пользователей и работу правоохранительных органов?

---

[252] Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1, № 2(2). С. 12-24.

[253] Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. … д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2016. С. 259.

[254] Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 195 с.

2. Опишите как интерактивность цифровой среды меняет роль рядового интернет-пользователя, и в чем состоит социально-психологический парадокс его поведения?

3. Каким образом интеграция интернет-технологий изменила организационную структуру экстремистских формирований, и какую угрозу представляет феномен «саморадикализации»?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

§ 4.2 Механизмы онлайн-радикализации молодежи

Деструктивные проявления могут являться результатом целенаправленного информационно-психологического воздействия в виртуальной среде. В условиях сетевого общества процесс вовлечения опирается на логику самих цифрового пространства. Рассмотрим ключевые механизмы, обеспечивающие последовательную радикализацию молодых пользователей.

Для современной молодежи глобальная информационная сеть превратилась в полноценную среду обитания и конструирования идентичности[255]. В этой цифровой реальности разворачивается процесс киберсоциализации под которой понимается стихийное усвоение норм, ценностей и паттернов поведения, транслируемых виртуальными сообществами. Фундаментальным механизмом здесь выступает вытеснение традиционных институтов воспитания цифровыми агентами влияния. Главными трансляторами смыслов для молодежи становятся сетевые микро-лидеры («лидеры мнений»), которые вызывают высокое доверие за счет сокращенной социальной дистанции, неформального стиля общения и постоянного онлайн-присутствия[256].

Воздействие многократно усиливается специфическим форматом потребления информации. Его особенность заключается в том, что сложные идеологические концепты редуцируются до коротких видеороликов, креолизованных текстов (интернет-мемов) и лаконичных постов. Подобная форма подачи не требует от молодого человека глубокого аналитического осмысления, но при этом вызывает мгновенный эмоциональный отклик,

---

[255] Кружкова О.В., Воробьева И.В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 160-185.

[256] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 13.

закладывая в сознание базис для некритичного восприятия агрессивных установок и подмены традиционных ценностей[257].

Алгоритмы цифровых платформ постоянно эволюционируют, и в каждом последующем году они становятся еще более сложными, ориентированными на персонализацию. Цифровые следы пользователей такие как время просмотра, конкретных видео, историю поисковых запросов, поставленные лайки, репосты и подписки собираются и анализируются на предмет определения их интересов. Вербовщики, используя встроенные рекомендательные системы самих сетей и специальные программы-парсеры, осуществляют фильтрацию молодежной аудитории по интересам, выявляя профили, склонные к девиантному поведению.

Пример типичной траектории:

Пользователь проявляет интерес, например, оставляет комментарий или ставит лайк под вирусным коротким видеороликом или мемом, содержащим элементы скрытой агрессии или демонстрацию оружия

Рекомендательная система платформы (алгоритмическая обработка) начинает автоматически заполнять ленту пользователя аналогичным, но постепенно ужесточающимся контентом, осуществляя «перекрестное опыление» идеями различных деструктивных течений.

Далее модератор замечает регулярную активность профиля, выходит на прямой контакт в личных сообщениях мессенджера под видом доброжелательного сверстника, предлагая эксклюзивные материалы, недоступные в открытом поиске.

Этапы работы модераторов экстремистских сообществ по радикализации молодежи:

На первом этапе работы осуществляется попытка доступа пользователей в интересующие их сети, сайты и паблики. Но пропускают туда не всех: модераторы анализируют открытую информацию из профиля пользователя, учитывая его активность в социальной сети. При первом посещении пользователем сайта, паблика или форума и попытке зарегистрироваться модераторы проверяют данные профиля пользователя с целью убедиться в том, что это действительно подросток или молодой человек, а не взрослый, например сотрудник специальных служб, учитель, преподаватель, родитель.

На втором этапе работы модераторов осуществляется тестирование и сортировка подростков по их интересу к различной деструктивной информации и склонности к негативному восприятию реальности, к различным формам девиантного поведения.

На третьем этапе работы (формирование агента) модераторам важно поддержать интерес пользователей к контенту паблика или форума, сделать так, чтобы подростки сохраняли устойчивый интерес к обсуждаемым темам и предлагаемым материалам, проводили на страничке движения большое

---

[257] Глухова А.А. особенности организации и функционирования сайтов, посвященных тематике АУЕ, и их роль в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С.1649.

количество времени, активно участвовали в дискуссиях, оставляли комментарии, ставили лайки и дизлайки, начинали использовать сленг, символику и девизы движения.

Для этого важно, чтобы пользователи почувствовали свою исключительность, продвинутость. Достигается это путем предоставления им модераторами материалов по интересующей тематике, недоступных в обычном режиме использования Интернета. Подросткам присылаются как сами материалы, так и ссылки на них (после скачивания материалов ссылка, как правило, удаляется модераторами).

На четвертом этапе работы модераторы осуществляют жесткое удержание пользователей на паблике или форуме, не позволяя покинуть сообщество даже тем подросткам, которые уже разочаровались в движении, его идеях, потеряли к нему интерес. Модераторам важно получить от пользователей компрометирующие материалы, которые потом могут быть использованы для шантажа (например, при желании подростка покинуть движение) и принуждения к проведению силовой акции. К таким материалам могут относиться чеки, подтверждающие осуществление денежных переводов на сайт деструктивного движения (финансирование терроризма и экстремизма), видео с убийством животных, избиения людей, ролики с интимными сценами, изнасилованиями, факты травли, буллинга одноклассников, мигрантов, проноса в школу оружия и взрывчатых веществ, их кустарного изготовления и использования.

На пятом этапе модераторы начинают склонять подростков к активным действиям, участию в акциях. Это важный этап - переход от виртуальной жизни к реальным действиям в офлайн-пространстве (трансгрессия).

На шестом этапе работы модераторы сопровождают подростков при проведении индивидуальной или групповой акции. Материалы, позволяющие осуществить подробный анализ данного этапа, носят совершенно секретный характер, поэтому отсутствуют в доступном формате. Однако продуманность и четкость действий, уровень владения оружием керченского стрелка Владислава Рослякова позволяют высказать предположение, что перед проведением силовой акции модераторы проводили с ним индивидуальные занятия и консультации в онлайн- и/или офлайн-режимах[258].

Успех радикализации закрепляется путем помещения пользователя в замкнутую информационную среду, так называемые эхо-камеры. С одной стороны, сетевые алгоритмы устроены так, что они отсекают альтернативные точки зрения, предлагая человеку только ту информацию, которая подтверждает его новые взгляды. С другой стороны Эхо-камеры формируются и поддерживают свою коммуникационную активность благодаря целенаправленным усилиям единомышленников, стремящихся сохранить внутреннюю сплоченность и устойчивость данного сообщества на основе обязательного согласия его участников с некоторым базовым

[258] Иудин А.А., Шпилев Д.А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 85-91.

набором убеждений или представлений и, соответственно, неприятия и дискредитации инакомыслия в любых его проявлениях[259]. Внутри этой референтной среды деструктивные идеи подаются не как маргинальные, а как одна из легитимных и нормальных точек зрения, а прошлые авторитеты высмеиваются[260].

В 2011 г. американские консультанты по вопросам безопасности и внешней политики Дж. Брахман и А. Левин отмечали использование принципов геймификации на сайтах джихадистской и праворадикальной направленности, стимулирующих активность их пользователей на основе конкуренции. За прошедшие годы данный тренд получил дальнейшее развитие.

И.Ю. Сундиев и А.А. Смирнов выделяют следующие направления и форм использования геймификации в террористической и экстремистской деятельности:

1. Использование образов из компьютерных игр в пропагандистских материалах. Например использование сцен из популярного игрового шутера Call of Duty в пропагандистских роликах джихадистских группировок.

2. Использование онлайн-стримов в террористической и экстремистской деятельности.

Помимо непосредственных компьютерных игр, широкую популярность среди пользователей получили игровые стримы – видеотрансляции в Сети прохождения игры определенным игроком или группой игроков. Наиболее востребованной платформой для игровых стримов является Twitch. Такой прием был использован в одном из наиболее резонансных терактов второго десятилетия XXI в., совершенном в г. Крайстчерче в Новой Зеландии. Его исполнитель Брентон Таррант заранее анонсировал, а затем вел прямую трансляцию своего теракта на Facebook[261] с помощью экшнкамеры.

3. Встраивание игровых элементов в пропагандистские материалы и коммуникационные приложения. в качестве используемых игровых элементов выделили присвоение баллов, определенных рейтингов и статусов.

В качестве примера ими приведен британский исламистский экстремистский сайт Salafi Media, который измерял уровень вовлеченности пользователей «метром фундаментализма». Чем более «радикальным» или «фундаменталистским» становился пользователь, тем больше власти и легитимности он приобретал на форуме. Другие примеры приложение PatriotPeer («Радар патриота»), виртуальная группа, созданная подростками из Великобритании в WhatsApp, чтобы бороться с «колдунами», под

---

[259] Грачев М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41-54.

[260] Забарин А.В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма // Управленческое консультирование. 2024. № 1(181). С. 23-45.

[261] Социальная сеть принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

которыми понимались религиозные лидеры мусульманских групп, воспринимаемые как отступники.

4. Создание компьютерных игр, сценарий которых связан с осуществлением экстремистской деятельности (игра «Этническачкая чистка» (2002), игры белого супрематизма (2003), ZOG's Nightmare (2006), ZOG's Nightmare II (2007) и игры исламистских групп (Hezbollah's Special Force). Существует также пласт компьютерных игр, сюжет которых завязан на сценарии проведения протестных акций и организации революций. Примером такой игры является 3D-стратегия Republic: The Revolution, разработанная компанией Elixir Studios. События игры происходят в вымышленной Новострании – бывшей советской республике, ставшей самостоятельным государством после распада СССР. Игровой сценарий предполагает борьбу одной из множества оппозиционных партий против коррумпированного диктатора Карасева, недовольство которым растет в народе. Игровой персонаж в начале сюжета возвращается в город Екатерининск и вступает в борьбу за политическую власть. Для этого он создает партию, начинает ее раскрутку с целью завоевания популярности населения и борьбы с конкурентами. В дальнейшем он начинает реализовывать идею создания подпольной сети и организации революции для свержения диктатора.

Еще более наглядным примером компьютерной игры, используемой для обучения тактике протестных действий, является пошаговая стратегия A Force More Powerful, выпущенная в 2006 году. Также стоит отметить симуллятор восстаний RIOT – Civil Untrest.

Наиболее опасной формой геймификации экстремизма является применение «игр в альтернативной реальности» (alternate reality game, ARG) – интерактивных игр, в которых игровой платформой выступает реальный мир. Авторы таких игр создают целостный игровой мир со своими героями, сюжетом и атмосферой. Залогом успеха игр с альтернативной реальностью служит их правдоподобность, стирание грани между игрой и действительностью. Известным примером применения ARG являлся российский интернет-проект «Большая игра. Сломай систему»[262]. В «Большой игре» участвовали команды единомышленников (по терминологии игры – «автономные группировки»), которые регулярно получали на свои e-mail списки заданий различного уровня сложности. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев».

Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приемных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые «бомбы». Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на e-mail организаторов. Выполнение каждого задания должно было подтверждаться

---

[262] Материалы проекта признаны экстремистскими, запрещены на территории Российской Федерации.

фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры» и за что игрок получал баллы. Таким образом происходил формальный переход от онлайн-игры к игре в системе офлайн.

Позже данная игровая модель получила свое применение и в механизме подстрекательства несовершеннолетних к совершению суицида в так называемых «группах смерти» – суицидальных виртуальных сообществах, созданных в социальных сетях (Синий кит)[263]. Задания предусматривали нанесение ребенком себе порезов на руки, ночное пробуждение и просмотр определенного контента, выполнение «квестов» (сделать селфи на крыше высотного дома, пробежать перед машиной и т. п.). Заключительным заданием выступало совершение самоубийства[264].

Такой подход оказывает воздействие на сознание молодого человека в нужном для экстремистов русле. Благодаря играм методично прививаются пользователям экстремистские взгляды от чувства нетерпимости к государственным и правоохранительным органам до совершения экстремистских преступлений по отношению к личности и обществу[265].

Молодые люди склонны скептически относиться и нивелировать значимость опыта родителей, самостоятельно искать и отбирать информацию, полагаясь на мнение сверстников и инфлюенсеров в социальных сетях. Считается, что инфлюенсеры детерминируют социально-культурные установки пользователей, способны влиять на формирование корпоративной культуры организации, выступать активными акторами политики, влияющим на принятие управленческих решений[266].

Отличаясь высокой коммуникативной активностью, такие блогеры формируют со своей аудиторией тесные парасоциальные связи, создавая иллюзию дружеского и доверительного общения, которое выстраивается за счет персонализации (прямые ответы в комментариях, сторис для своих), социальное одобрение от других участников (лайки, репосты, комментарии), эмоциональных якорей (истории личного преодоления трудностей). Используя это доверие, лидеры мнений выстраивают первоначальный контакт с неопределившимися подписчиками через социальные сети, а затем начинают транслировать радикальные идеи, разжигая агрессию и нетерпимость[267].

---

[263] Подобный контент запрещен к распространению в Российской Федерации, а деятельность их создателей преследуется по уголовному закону.

[264] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 39-51.

[265] Ситникова М.П. Экстремизм в России: сущность, содержание, противодействие. М., 2026. С. 21.

[266] Рябченко Н.А., Малышева О.П. Инновационные сценарии потребления культуры в рамках экосистемы социальных сетей: лидеры мнений и культурный код // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 55-71.

[267] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. … д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 13.

Сформировав вокруг себя преданную толпу последователей, лидеры мнений используют свой непререкаемый авторитет для прямой мобилизации молодых людей на совершение реальных противоправных поступков. Ярким примером этому служат некоторые популярные медийные личности (например, представители культуры «Поп ММА»), которые транслируют на свою молодежную аудиторию ксенофобские, сепаратистские и экстремистские лозунги, напрямую провоцируя подписчиков выходить на уличные погромы и массовые беспорядки на национальной почве[268].

Таким образом, лидеры мнений выступают мощнейшим катализатором, легитимизирующим насилие и превращающим сетевое эмоциональное напряжение молодежи в реальную угрозу общественной безопасности.

Анализ механизмов онлайн-радикализации позволяет констатировать, что цифровое пространство выступает активной средой, моделирующей процесс вовлечения. Специфика молодежной радикализации в современных условиях заключается в ее скрытом, опосредованном характере: деструктивное воздействие маскируется под развлечение, игру и неформальное общение с кумирами.

Использование рассмотренных механизмов цифровой среды позволяет акторам воздействовать на сознание молодых пользователей. В результате формируется замкнутая, самовоспроизводящаяся экосистема (информационный пузырь), внутри которой происходит постепенная и практически непрерывная подмена традиционных ценностей радикальными установками, что обеспечивает технологичный переход от случайного интереса к реальным действиям экстремистского характера.

Контрольные вопросы

1. Какую роль играют алгоритмы цифровых платформ и специфический формат потребления информации (короткие видео, мемы) в первоначальном вовлечении молодежи в деструктивные сообщества?
2. Какие методы используют модераторы радикальных групп на этапе «жесткого удержания» подростка, и как функционируют «эхо-камеры» для закрепления экстремистских взглядов?
3. В чем заключается специфика и главная опасность применения геймификации, в частности «игр в альтернативной реальности», в процессе радикализации молодежи?

Для самопроверки пройдите тест по материалу параграфа по QR-коду.

[268] Малахов А.Г., Римский А.В. Молодежь в контркультурных экстремистских сообществах // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 1(41). С. 211

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в настоящем учебном пособии анализ показал, что формирование молодежного экстремизма в сетевом обществе не может быть адекватно понято вне учета глубинных трансформаций социальной структуры, описываемых в концепциях постиндустриального и программируемого общества, теории сетевого общества и пространства потоков. Цифровизация ведет к изменению морфологии социального взаимодействия, смещению центра тяжести с традиционных институтов к распределенным сетям, в рамках которых знания, символы и информационные потоки становятся ключевым ресурсом власти и влияния. В этих условиях экстремизм утрачивает черты локализованного феномена и все более проявляется как децентрализованная, сетевая форма социального действия.

Особое значение приобретает цифровое пространство (цифровая среда) как социально-правовой феномен, в рамках которого происходит повседневная коммуникация, социализация и формирование идентичностей молодежи. Цифровая среда предстает сложной многоуровневой системой, включающей технический, информационный, коммуникативный, социальный и экономический компоненты, каждый из которых вносит вклад в конструирование новых норм и практик поведения. Именно здесь складываются специфические режимы публичности, анонимности и доступности информации, радикально меняющие способы проявления и распространения экстремистских установок и идеологем.

Молодежь, являясь наиболее активным субъектом цифровой среды, оказывается в центре процессов киберсоциализации, характеризуемой нелинейностью, повышенной автономностью от традиционных агентов социализации и ведущей ролью сетевых сообществ. Социальные сети, мессенджеры, игровые и стриминговые платформы выступают в качестве внеинституциональных агентов социализации, формирующих альтернативные ценностные ориентации и модели поведения, часто вне поля зрения семьи, школы и иных институтов социального контроля. В результате у значительной части молодежи складываются фрагментированные идентичности, клиповое мышление и специфические формы правосознания, повышающие их уязвимость к деструктивному воздействию.

В рамках сетевого общества экстремизм трансформируется, перенимая свойства цифровой среды. Онлайн-радикализация реализуется через поэтапное вовлечение в экстремистскую деятельность посредством мемов, ироничного и развлекательного контента, таргетированного воздействия и работы алгоритмических рекомендательных систем. Судебная и следственная практика сталкивается с необходимостью заново переосмыслить категории публичности, умысла, участия и соучастия применительно к таким формам активности, как репосты, лайки, комментарии, участие в закрытых группах и подписка на радикальные сообщества.

Анализ действующей нормативно-правовой базы противодействия экстремизму в сети Интернет позволяет заключить, что российское законодательство в целом реагирует на вызовы сетевого общества, расширяя

составы преступлений экстремистской направленности, вводя специальные механизмы блокировки противоправного контента и обязанности для организаторов распространения информации. Вместе с тем высокая динамика технологического развития, появление криптомессенджеров, децентрализованных платформ и новых форм цифровой анонимности обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики, в том числе в части разграничения степени ответственности различных категорий пользователей и операторов цифровой инфраструктуры. В перспективе эффективное противодействие молодежному экстремизму в сетевом обществе возможно лишь на основе комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего правовые, социологические, психологические и технологические меры, а также системную профилактическую работу по формированию у молодежи критического мышления, цифровой грамотности и устойчивого правосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.10.2025).

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ от 30.12.2020 № 489-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

11. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 // СПС «КонсультантПлюс».

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. // СПС «КонсультантПлюс».

15. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс».

Специальная литература

1. Абаринов А. Д. Криминалистическое обеспечение выявления и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием стеганографии // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 3 (23). – С. 28-35.

2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. / Т. Адорно. Под общей редакцией д-ра филос. наук В. П. Култыгина. – М., 2001.– 416 с.

3. Алиева З. А. Трансформация психологии личности под влиянием киберсоциализации / З. А. Алиева // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Том 6. № 7. – С. 194 – 201.

4. Антонян Ю. М. Экстремизм и его причины / Ю. М. Антонян, А. В. Ростокинский, Я. И. Глинский, И. Ю. Сундиев, В. В. Аванесян. – М., 2020. – 312 с.

5. Арчаков М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия : дис. … д-ра полит. наук / Арчаков Михаил Константинович. – Екатеринбург, 2016. – 320 с.

6. Атагимова Э. И. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве / Э. И. Атагимова, О. С. Рыбакова // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 3(44). – С. 29-37.

7. Ахметшин С. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства: дис. … канд. юрид. наук / Айрат Саетович Ахметшин. – Санкт-Петербург, 2025. – 387 с.

8. Бааль Н. Б. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект противодействия экстремизму в молодежной среде : правовой и политический аспекты : научно-практическое пособие. Москва : Академия управления МВД России, 2022. – 132 с.

9. Бааль Н. Б. Экстремизм как угроза национальной безопасности государства // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 43-47

10. Бааль, Н. Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Бааль Наталья Борисовна. – Нижний Новгород, 2012. – 419 с.

11. Банщикова, Т. Н. Агрессия как понятийный конструкт: объяснительные характеристики и виды / Т. Н. Банщикова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № 8. – С. 71-75.

12. Батоев, В. Б. Использование мессенджеров и криптомессенджеров в преступной деятельности: новая угроза? / В. Б. Батоев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 4(58). – С. 67-75.

13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл // Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

14. Белоконев С. Ю. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике / С. Ю. Белоконев, А. А. Хоконов // Власть. – 2021. – Т. 29, № 2. – С. 22-29.

15. Болховской, А. Л. Информационно-сетевое общество: социально-философский анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Болховской Александр Львович. – Черкесск, 2010. – 159 с.

16. Буклова З. К. Правосознание в современном информационном обществе (теоретико-правовой анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Буклова Залина Казбековна. – Москва, 2011. – 199 с.

17. Венцель С. В. Политический экстремизм в эпоху новых медиа: специфика, формы и технологии противодействия : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Венцель Сергей Владимирович. – Краснодар, 2024. – 221 с.

18. Воинов Д.А. Организация закрытых групп в Интернете как канал корпоративного управления / Д. А. Воинов // Электронный научный журнал «Век качества». 2017. №4. С. 106-114.

19. Воронкова О. А. Сетевая коммуникация как фактор эволюции социально-политических отношений / О. А. Воронкова // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 89-96.

20. Воронцов С. А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки / С. А. Воронцов // Философия права. – 2007. – № 4(23). – С. 65-71.

21. Всемирный доклад ЮНЕСКО К обществам знания. - 2005. - 239 с.

22. Габдрафикова Т. Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде / Т. Ш. Габдрафикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3(90). – С. 496-499.

23. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А. В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13-82.

24. Геворкова К. В. Экстремизм универсальные черты и спектр формообразований: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Геворкова Карина Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 28 с.

25. Геворкова К. В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований (социально-философский анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Геворкова Карина Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 180 с.

26. Геворкова К. В. Экстремизм: универсальные черты и спектр формообразований (социально-философский анализ): диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Геворкова Карина Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 180 с.

27. Глухова А. А. Деструктивные социальные движения «Маньяки. Культ убийств» и «Мир маньяков и серийных убийц»: формирование криминальной идеологии / А. А. Глухова, А. А. Иудин, Д. А. Шпилев // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 602-629.

28. Глухова А. А. особенности организации и функционирования сайтов, посвященных тематике АУЕ, и их роль в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи /

А. А. Глухова, А. В. Шпилев // ктуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13, № 4 – С. 1649-1660.

29. Гришанина А. Н. Вопросы психолого-лингвистического исследования мотивов экстремистского речевого поведения молодежи в социальных сетях / А. Н. Гришанина, М. Ю. Гришанина // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3(75). – С. 120-125.

30. Данилов П. А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Данилов Павел Александрович. – Санкт-Петербург, 2011. – 203 с.

31. Денисенко В. В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности / В. В. Денисенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1(52). – С. 269-276.

32. Диль В. А. Современный экстремизм и формы его преодоления: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Диль Вячеслав Анатольевич. – Томск, 2013. – 126 с.

33. Дубовик О. Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России / О. Л. Дубовик // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 9(142). – С. 75-90

34. Жариков Ю. С. Экстремизм в молодежной среде современного российского общества: проблемы уголовно-правового воздействия и предупреждения / Ю. С. Жариков, М. Ф. Костюк. – М., 2023. – 202 с.

35. Жуков А. А. Эффект «сдвига к риску» и феномен поляризации во время группового принятия решения в профессиональных группах / А. А. Жуков // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2013. – № 3(35). – С. 48-52.

36. Забарин А. В. Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма / А. В. Забарин // Управленческое консультирование. – 2024. – № 1(181). – С. 23-45.

37. Идентичность : юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М., 2006. – 352 с.

38. Инсарова Н. Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи / Н. Г. Инсарова // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2014. – Т. 6, № 1. – С. 77-84.

39. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества / Ю. Р. Тагильцева, И. В. Воробьева, О. В. Кружкова [и др.] // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 189-218.

40. Иудин А. А. Воронка вовлечения в деструктивные интернет-сообщества / А. А. Иудин, Д. А. Шпилев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 2(74). – С. 85-91.

41. Ищенко О. В. К проблематике понятия «спортивный экстремизм» / О. В. Ищенко, Д. Д. Шарифханов // Вестник Прикамского социального института. – 2023. – № 1(94). – С. 23-31.

42. Ищенко, О. В. К проблематике понятия «спортивный экстремизм» / О. В. Ищенко, Д. Д. Шарифханов // Вестник Прикамского социального института. – 2023. – № 1(94). – С. 23-31.

43. Калужина М. А. Социально-психологические паттерны, детерминирующие экстремистское мировоззрение, и их познавательная роль в решении задач оперативно-розыскной профилактики / М. А. Калужина, Т. С. Пухарева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 2(93). – С. 152-160.

44. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – 4 издание. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. – 591 с.

45. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М., 2000. - 608 с.

46. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др. ; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. - Москва, 2023. – 244 с.

47. Кораблев С. Е. Социально-психологические и культурные истоки самосознания экстремиста / С. Е. Кораблев, С. А. Красненкова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 2. – С. 89-95.

48. Крайнов, А. Л. Цифровая идентичность как условие бытия человека в цифровом обществе / А. Л. Крайнов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 137-141.

49. Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Круглова Анна Юрьевна // Ростов-на-Дону, 2019. – 195 с.

50. Кружкова О. В. Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2019. – № 4. – С. 160-185.

51. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Кубякин Евгений Олегович. – Краснодар, 2012. – 351 с.

52. Кудрин В. С. Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения / В. С. Кудрин, А. И. Юдина. – Кемерово, 2016. – 160 с.

53. Кудрин В. С. Социально-культурные условия предупреждения молодежного экстремизма как социального риска: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Кудрин Валерий Сергеевич, 2016. – 236 с.

54. Кузнецова Е. А. Лидеры мнений в цифровой среде как ресурс для профилактики девиантного поведения среди молодежи / Е. А. Кузнецова, Е. В. Зиновьева // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сборник материалов Второй

международной научно-практической конференции, Ялта, 08–10 октября 2020 года / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Гуманитарно-педагогическая академия. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 362-365.

55. Лазарев Д. А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Лазарев Дмитрий Александрович, 2018. – 172 с.

56. Лазарева, О. С. Роль миграционных процессов в системе детерминации экстремистской преступности / О. С. Лазарева // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2022. – № 4(64). – С. 31-36.

57. Лебедев А. Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора / А. Н. Лебедев // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 159-171.

58. Леонтьев, Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1993. – № 3-4. – С. 34-45.

59. Липень С. В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в / С. В. Липень // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 10(119). – С. 11-19.

60. Лугинина А. Г. Модели сетевых обществ в постиндустриальных и информационных концепциях / А. Г. Лугинина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 120. – С. 903-913.

61. Лупандин В. Н. Конституционно-правовые основы социального статуса российской молодежи / В. Н. Лупандин, Е. В. Титова // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18, № 5. – С. 138-143.

62. Лучшев М. Д. Краудфандинг как угроза финансирования терроризма в Российской Федерации / М. Д. Лучшев, Е. В. Печерица // Управленческий учет. – 2025. – № 1. – С. 325-332.

63. Мажорина М. В. Право сетевого общества и проблема управления гибридностью / М. В. Мажорина // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 9(166). – С. 108-118.

64. Макеева И. С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Макеева Ирина Сергеевна. 2017. – 177 с.

65. Максимова О. А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве / О. А. Максимова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22(313). – С. 6-10.

66. Малахов А. Г. Молодежь в контркультурных экстремистских сообществах / А. Г. Малахов, А. В. Римский // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – № 1(41). – С. 207-213.

67. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» / А. В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 3. – С. 75-107.

68. Маслов И. С. Формирование правовой культуры как способ противодействия религиозному экстремизму / И. С. Маслов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2020. – № 6-2. – С. 135-138.

69. Михайлова О. Б. Агрессивность личности: основные подходы и перспективы в изучении / О. Б. Михайлова, С. М. Сафи, А. В. Шептура // Мир науки. – 2017. – Т. 5, № 6. – С. 83.

70. Мозговой В. Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Мозговой Владимир Эдуардович, 2016. – 141 с.

71. Муленков Д. В. Понятие, формы и виды экстремизма / Д. В. Муленков, Н. В. Филина // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 1. – С. 146-149.

72. Муращенкова, Н. В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. психолог. наук / Надежда Викторовна; Муращенкова. – Смоленск 2014. – 24 с.

73. Начарова Л. И. Мессенджеры: новые медиа или эволюционный этап развития социальных сетей? / Л. И. Начарова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 2(105). – С. 496-499.

74. Невесенко Е. Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети интернет на развитие социальной активности молодежи: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Невесенко Елена Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2014. – 231 с.

75. Никитин А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Андрей Геннадьевич. – Москва, 2010. – 257 с.

76. Павлова Д. А. Цифровые правоотношения / Д. А. Павлова // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1(71). – С. 159-173.

77. Панченко К. С. Дискриминационные инциденты в российском футболе как одно из проявлений молодежного экстремизма / К. С. Панченко, К. А. Ситников // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 276-284.

78. Панченко К. С. Теоретические основы пределов правовой толерантности : монография. Воронеж, 2023. – 206 с.

79. Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия / И. В. Пащенко // Caucasian Science Bridge. – 2018. – Т. 1, № 2(2). – С. 12-24.

80. Писаренко О. Н. Социальная природа экстремизма: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Писаренко Ольга Николаевна. – Пятигорск, 2010. – 150 с.

81. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой. - М., 2023. - 72 с.

82. Побегайло А. Э. Киберэкстремизм – угроза национальной безопасности / А.Э. Побегайло // Обозреватель - Observer. – 2025. – № 5 (112). – С. 105-119.

83. Потоцкий Н. К. Противодействие экономическому экстремизму в молодежной среде / Н. К. Потоцкий, А.И. Янгиров // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 380-383.

84. Противодействие экстремистской деятельности / под ред. А.М. Будаева. – М., 2023. – 128 с.

85. Рассолов И. М. Право и интернет: теоретические проблемы Право и Интернет: теоретические проблемы / И. М. Рассолов. - 2-е изд., доп. - Москва, 2009. - 383 с.

86. Римский А. В. К проблеме типологии экстремизма: политико-правовой и философский анализ / А. В. Римский, Д. В. Меняйло // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 3(39). – С. 130-146.

87. Россия и вызовы цифровой среды: рабочая тетр. / В.С. Овчинский и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по междунар. делам. – М., 2014. – 40 с.

88. Ростовская Т. К. Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи / Т. К. Ростовская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 3(35). – С. 91-95.

89. Рябченко Н. А. Инновационные сценарии потребления культуры в рамках экосистемы социальных сетей: лидеры мнений и культурный код / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – Т. 8 (74), № 4. – С. 55-71.

90. Сапон И. В. Публичное и приватное в профиле социальной сети (в свете теории С. Петронио) / И. В. Сапон // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2-1. – С. 126-142.

91. Сарычев А. В. Проявление экстремизма в «Даркнете» и меры борьбы с ним / А. В. Сарычев, И. Н. Архипцев, Д. М. Сополева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 3(96). – С. 209-217.

92. Селютин А. А. Форум как жанр виртуального общения / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 9. – С. 121-124.

93. Сенин И. Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России (теоретико-правовой аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сенин Игорь Николаевич. – Омск, 2011. – 218 с.

94. Сергеева Ю. В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сергеева Юлия Валерьевна, 2015. – 172 с.

95. Сигарев А. В. Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии / А. В. Сигарев, М. С. Смирнова // Юридическая наука и практика. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 27-34.

96. Ситникова М. П. Экстремизм в России: сущность, содержание, противодействие / М. П. Ситникова. – М., 2026. – 184 с.

97. Скибицкий М. М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса / М. М. Скибицкий // Мир новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 62-68.

98. Солдатова Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18. № 3. – С. 7–26. URL: https://cyberpsy.ru/articles/socialno-kognitivnaya-koncepciya-cifrovoj-socializacii/ (дата обращения: 16.03.2025).

99. Сорокин И. С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве / И. С. Сорокин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. - №4 (108). - С. 73-82.

100. Сундиев И. Ю. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 3(55). – С. 39-51.

101. Тарима А. А. Криминологическая характеристика и предупреждение транснациональных преступлений экстремистской направленности: дис. … канд. юрид. наук. / Артем Александрович Тарима. – М., 2025. – 238 с.

102. Теория государства и права / А. В. Кирнос, В. А. Колесников, Ю. В. Сорокина [и др.]. – Воронеж : Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 307 с.

103. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

104. Узембаева, Г. И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Узембаева Гульфия Ишбулдовна, 2016. – 212 с.

105. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. / Сергей Николаевич Фридинский. - М., 2011. -

106. Фролова, А. С. Сетевое общество и идеологическое пространство России: специфика взаимовлияния и протекания сетевых процессов: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Фролова Анна Сергеевна, 2015. – 181 с.

107. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация; Том второй. К критике функционалистского разума / Ю. Хабермас; пер. с нем. А.К. Судакова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 880 с.

108. Хабинов С. К. Криминалистическая характеристика молодежного экстремизма в эпоху цифровых технологий / С. К. Хабинов //

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 4(115). – С. 232-242.

109. Хованов И. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в сети интернет: дис. … канд. юрид. наук / Илья Сергеевич Хованов. – М., 2025. – 210 с.

110. Хуторной С. Н. Киберпространство и становление сетевого общества: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Хуторной Сергей Николаевич. – Воронеж, 2013. – 166 с.

111. Цифровые платформы - организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., – 2025. – 244 с.

112. Чебунина О. А. Социальные Интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: дис. … канд. социол. наук. / Ольга Александровна Чебунина. – 2019. – 174 с.

113. Шестакова, Е. Г. Агрессивное поведение и агрессивность личности / Е. Г. Шестакова, Л. Я. Дорфман // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2009. – № 7(64). – С. 51-66.

114. Шпара К. И. Сетевая структура современного общества: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Шпара Кирилл Иванович. – Санкт-Петербург, 2010. – 150 с.

115. Ясин М. И. Концепция когнитивной закрытости: история и смежные понятия / М. И. Ясин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 174-181.

116. Пучнина М. Ю. Современный молодежный экстремизм в условиях цифровизации общества: тенденции, методы распространения, технологии вовлечения, направления противодействия / М. Ю. Пучнина, А. В. Пучнин // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 4(44). – С. 142-149.

117. Пеннер Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология / Р. В. Пеннер // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2024. – Т. 48, № 2. – С. 98-113.

Тестовые задания

Тема 1.1. Понятие и основные характеристики сетевого общества

1. Кто впервые ввел в научный оборот термин «социальная сеть» на основе изучения норвежского рыболовного сообщества?

а) Георг Зиммель.

б) Леонард Эйлер.

в) Якоб Морено.

г) Джон Барнс.

2. Согласно Д. Беллу, что является осевым принципом постиндустриального общества?

а) Центральная роль теоретических знаний и экономика услуг.

б) Взаимодействие человека с машинами на фабриках.

в) Строгая бюрократизация и власть правил.

г) Ориентация на традиционные ценности и моральные устои.

3. Как А. Турен называет общество, которое осознает себя как чистый продукт собственного действия и способно создавать собственные модели управления, информации и потребления?

а) Аграрное общество.

б) Индустриальное общество.

в) Программированное общество.

г) Общество консенсуса.

4. Что М. Кастельс понимает под термином «пространство потоков»?

а) Территорию, значение которой содержится в границах физической близости.

б) Материальную организацию социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки.

в) Пространство, где доминирует биологическое время.

г) Локальные сообщества и традиционные кварталы.

5. Что из перечисленного НЕ входит в три слоя материальной опоры «пространства потоков» по М. Кастельсу?

а) Цепи электронных импульсов (микроэлектроника, телекоммуникации).

б) Узлы и коммуникационные центры.

в) Традиционные фабрики и заводы индустриальной эпохи.

г) Пространственная организация доминирующих менеджерских элит.

6. Какая концепция времени, по мнению М. Кастельса, становится доминирующей в «пространстве потоков» сетевого общества?

а) Биологическое время.

б) Линейное и предсказуемое время фабрики.

в) Историческое время.

г) Вневременное время («вечно настоящее»).

7. Какой термин использует М. Кастельс для описания системы, где материальное существование людей полностью погружено в виртуальные образы, а внешние отображения на экранах становятся самим опытом?

а) Реальная виртуальность.

б) Массовая самокоммуникация.

в) Блип-культура.

г) Мозаичная реальность.

8. Чем вытесняются реальные факты в условиях гиперреальности информационного общества?

а) Объективными научными данными.

б) Симулякрами (знаками и образами, не имеющими оригиналов).

в) Прагматичными потребностями.

г) Инструментальным обменом.

9. Благодаря какому явлению индивиды в сетевом обществе получили возможность самостоятельно генерировать и распространять информацию в обход традиционных иерархических фильтров?

а) Институциональному отставанию.

б) Массовой самокоммуникации.

в) Централизации власти.

г) Ограничению цифровых каналов.

10. К какому основному последствию для когнитивных способностей человека приводит формирование «клипового сознания»?

а) Развитию навыков глубокого анализа длинных текстов.

б) Улучшению комплексного восприятия научных проблем.

в) Утрате ключевых аналитических навыков и поверхностному восприятию фрагментов реальности.

г) Более вдумчивому и рациональному принятию решений.

Тема 1.2. Цифровое пространство (цифровая среда) как социально-правовой феномен

1. В чем, согласно мнению И.С. Сорокина, заключается основное различие между «цифровым пространством» и «цифровой средой»?

а) Цифровое пространство – это прикладное понятие, а среда – глобальное.

б) Цифровое пространство – это широкое и абстрактное понятие, а цифровая среда – конкретное и прикладное.

в) Эти понятия являются абсолютными синонимами и не имеют различий в содержании.

г) Цифровое пространство включает только технические компоненты, а среда – только социальные.

2. Сколько основных компонентов выделяется в структуре цифровой среды как сложной системы?

а) Три.

б) Четыре.

в) Пять.

г) Шесть.

3. Что относится к программно-алгоритмическому уровню технического компонента цифровой среды?

а) Персональные компьютеры и смартфоны.

б) Оптоволоконные линии и спутниковая связь.

в) Базовые сетевые протоколы, базы данных и системное программное обеспечение.

г) Серверные станции и центры обработки данных.

4. Какое свойство коммуникационного компонента позволяет информации находить альтернативные пути распространения при выпадении одного из звеньев?

а) Мгновенность.

б) Многоканальность и полимагистральность.

в) Глобальный масштаб.

г) Интерактивность.

5. *Как Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский определяют термин «цифровая социальность»?*

а) Совокупность технических устройств, подключенных к сети.

б) Все то, что человек приобретает в ходе межличностного онлайн-взаимодействия и в составе групп в Интернете.

в) Систему автоматизированного сбора данных о пользователях.

г) Процесс капитализации цифровых ресурсов.

6. Какое определение цифровой платформы закреплено законодателем?

а) Результат интеллектуальной деятельности, подкрепленный аппаратной составляющей.

б) Информационная система, сайт в сети «Интернет» и (или) программы для ЭВМ, обеспечивающие взаимодействие лиц.

в) Форма организации исключительно рыночных отношений.

г) Система, предназначенная только для государственных нужд.

7. Какая характеристика является базовой для социальных сетей (Web 2.0)?

а) Централизованная генерация контента оператором платформы.

б) Децентрализованная генерация контента самими пользователями и горизонтальный обмен данными.

в) Закрытая архитектура доступа к ресурсам.

г) Отсутствие инструментов для производства информации пользователями.

8. Как в правоприменительной практике чаще всего квалифицируется «репост» чужого сообщения?

а) Знак солидаризации с деструктивной идеологией.

б) Форма публичного оправдания.

в) Прямое распространение информации (ее осознанное тиражирование).

г) Пассивное потребление контента.

9. В каких цифровых пространствах, согласно теории С. Петронио, формируются «коллективные границы приватности»?

а) В публичных профилях социальных сетей.

б) В закрытых группах и личных чатах мессенджеров.

в) На открытых форумах и досках объявлений.

г) На игровых и стриминговых платформах.

10. Какое требование к традиционным мессенджерам установлено российским законодательством для обеспечения безопасности?

а) Обеспечение абсолютной анонимности пользователей.

б) Идентификация пользователей по абонентскому номеру оператора сотовой связи.

в) Запрет на использование сквозного шифрования.

г) Хранение данных исключительно на зарубежных серверах.

Тема 2.1. Молодежь как специфическая социально-правовая группа

1. Какие возрастные границы категории «молодежь» закреплены в соответствии с положениями Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»?

а) 14 до 25 лет.

б) 14 до 35 лет.

в) 16 до 30 лет.

г) 18 до 35 лет.

2. Как определяется возрастная категория молодежи в Англии и Нидерландах?

а) Молодежь выделяется в самостоятельную группу в возрасте от 14 до 35 лет.

б) Молодежь не выделяется в особую группу, а объединяется вместе с детьми в возрастных рамках 0–25 лет.

в) Возрастные границы молодежи жестко зафиксированы в интервале от 18 до 21 года.

г) К молодежи относят только лиц от 26 до 35 лет, получивших высшее образование.

3. Какие два критерия понятия «молодежь» выделяет Саймон Фрис в своей работе «Социология молодежи»?

а) Получение высшего образования и начало трудовой деятельности.

б) Достижение совершеннолетия и создание семьи.

в) Переход от детства к взрослости и переход от безответственности к ответственности в поведении.

г) Половое созревание и обретение финансовой независимости.

4. В чем, согласно социологическому подходу, заключается суть трансляционной функции молодежи?

а) В передаче обновленного совокупного общественного опыта от одного поколения к другому.

б) В способности унаследовать социальную структуру и условия жизни, оставленные родительскими поколениями.

в) В способности унаследовать социальную структуру и условия жизни, оставленные родительскими поколениями.

г) В формировании непрерывного процесса киберсоциализации в виртуальной среде.

5. С какого возраста, согласно статье 60 Конституции РФ, гражданин может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности?

а) С 14 лет.

б) С 16 лет.

в) С 18 лет.

г) С 21 года.

6. Какая главная задача стоит перед молодым человеком в период нормативного кризиса согласно концепции Эрика Эриксона?

а) Полностью отказаться от общения с родителями и пройти сепарацию.

б) Выбрать будущую профессию и сконцентрироваться на образовании.

в) Утвердить свой статус через формирование «негативной идентичности».

г) Интегрировать все свои разрозненные социальные роли в единое осмысленное целое и связать свое прошлое с будущим.

7. Как объясняется выбор «негативной идентичности» молодыми людьми в ситуации социальной маргинализации или стигматизации?

а) Молодой человек направляет всю свою энергию на достижение карьерных высот вопреки мнению общества.

б) Молодой человек сознательно принимает роли, категорически отвергаемые обществом (например, преступника или экстремиста), ради суррогатного признания деструктивного сообщества.

в) Молодой человек полностью отказывается от общения со сверстниками и уходит в себя.

г) Молодой человек ищет поддержку исключительно в рамках традиционных институтов семьи и школы.

8. Какой из компонентов в структуре ценностных ориентаций включает в себя способность к сопереживанию, состраданию, чувство долга и ответственности?

а) Эмотивный компонент.

б) Когнитивный компонент.

в) Поведенческий компонент.

г) Инновационный компонент.

9. Что в реалиях современного сетевого общества оттесняет на второй план традиционные институты социализации (семью и школу), конструируя для молодежи «иллюзорный мир»?

а) Государственная молодежная политика.

б) Уголовное законодательство.

в) Сеть Интернет и средства массовой коммуникации.

г) Строгие неформальные нормы уличных субкультур.

10. Каким образом экстремистские организации эксплуатируют естественную склонность молодежи к протестному поведению и сепарации от старших поколений?

а) Предлагают молодым людям развивать свои творческие навыки.

б) Направляют энергию молодежи на законные политические дебаты.

в) Помогают молодежи интегрироваться в традиционные общественные институты.

г) Трансформируют естественный поколенческий конфликт в радикальную оппозиционность, предлагая романтизированные сценарии бунта.

Тема 2.2. Цифровая социализация молодежи

1. Что принято понимать под социализацией согласно тексту?

а) Изоляцию индивида от общества для формирования его уникальности.

б) Процесс усвоения индивидом системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в обществе.

в) Исключительно целенаправленное воспитательное воздействие на личность в школе.

г) Стихийный процесс, имеющий значение только в детском возрасте.

2. Какой термин используется в научной литературе для обозначения социализации, протекающей во взаимодействии с цифровой средой?

а) Десоциализация.

б) Виртуальная интеграция.

в) Киберсоциализация.

г) Информационная адаптация.

3. Где преимущественно проявляются результаты киберсоциализации?

а) Только в виртуальных сообществах.

б) В поведении конкретного человека в офлайн-реальности.

в) Исключительно в компьютерных играх.

г) На страницах социальных сетей.

4. Каким образом описывается социализация молодежи XXI века в трудах Т. Барбера, Г. Одгарда и В.А. Лукова?

а) Как строго линейный и предсказуемый процесс.

б) Как процесс, полностью зависящий от влияния старшего поколения.

в) Как процесс, запрограммированный образовательными учреждениями.

г) Как нелинейный, лишенный предсказуемости процесс, зависящий от ситуативных факторов.

5. Какое место занимает семья в модели общения в онлайн-пространстве (социальных сетях) по сравнению с офлайн-коммуникацией?

а) Семья остается на втором месте после самого молодого человека.

б) Семья оттесняется на третьестепенные позиции, уступая место «виртуальным друзьям».

в) Семья выходит на первое место в иерархии общения.

г) Семья полностью исключается из любых видов коммуникации.

6. Какую функцию приобретают социальные сети в современном обществе наряду с семьей и образовательными учреждениями?

а) Внеинституционального агента социализации.

б) Главного правоохранительного органа.

в) Инструмента полной десоциализации.

г) Традиционного агента воспитания.

7. Что из перечисленного НЕ относится к структурным характеристикам среды Интернет-пространства, выделенным исследователями?

а) Наличие ролевой системы и собственных статусов.

б) Набор поведенческих установок, норм и правил.

в) Полное отсутствие регулирования социальных отношений.

г) Наличие формальной и неформальной организации.

8. В чем заключается главное отличие виртуальной социализации от традиционной?

а) Агенты социализации играют максимально значительную роль.

б) Индивид не имеет возможности выбирать круг общения.

в) Виртуальная социализация исключает самопрезентацию.

г) Вектор задает сам индивид, самостоятельно выбирая сообщества и социализируя себя.

9. Почему для современного человека онлайн-контакты могут быть психологически более значимыми, чем офлайн-коммуникация?

а) Они требуют меньше времени на поддержание связи.

б) Они дают безграничные возможности для самопрезентации и самореализации.

в) Они жестко контролируются образовательными учреждениями.

г) Они всегда гарантируют безопасность.

10. К какому негативному результату может вести процесс социализации современной молодежи в цифровой среде?

а) К десоциализации в реальном социуме и повышению уязвимости перед деструктивным воздействием.

б) К чрезмерному укреплению традиционных связей с семьей.

в) К полному отказу от использования интернет-технологий.

г) К улучшению успеваемости в офлайн-школах.

Тема 3.1. Понятие и признаки экстремизма

1. Что выступает сущностью экстремизма в рамках философского подхода?

а) Стремление к постоянному поиску социальных компромиссов.

б) Абсолютная категоричность, порождающая бинарное деление мира на «хорошее» и «плохое» без признания промежуточных связей.

в) Ориентация на межкультурный диалог и толерантность.

г) Полный отказ от любых политических и идеологических убеждений.

2. Согласно психологическому подходу, что лежит в основе формирования экстремистских установок у личности?

а) Высокий уровень критического мышления по отношению к своим взглядам.

б) Исключительная эмпатия и открытость к новым знаниям.

в) Деструктивная трансформация дифференциации «свои – чужие», эгоцентризм и потребность вырваться из обыденности.

г) Стремление к полному соблюдению установленных правовых норм.

3. Какую социологическую теорию предложил Т. Гурр для объяснения возникновения экстремистских и радикальных движений?

а) Теорию «социальной стратификации».

б) Теорию «относительной депривации», согласно которой недовольство возникает из-за расхождения между ожиданиями группы и ее возможностями.

в) Теорию «разорванного сознания».

г) Теорию «абсолютного превосходства».

4. В чем заключается ключевое отличие радикализма от экстремизма?

а) Радикализм всегда сопровождается террористическими актами, а экстремизм действует мирным путем.

б) Радикализм характерен только для обществ, находящихся в кризисе, а экстремизм – для стабильных систем.

в) Между ними нет никаких отличий, в гуманитарных науках это абсолютные синонимы.

г) Радикализм может оставаться в правовом поле, тогда как экстремизм принципиально отказывается от легитимных правил борьбы и готов использовать насилие.

5. Как соотносятся понятия экстремизма и терроризма?

а) Это независимые друг от друга явления, которые регулируются одними и теми же статьями Уголовного кодекса.

б) Терроризм является более широким понятием, включающим в себя любые проявления экстремизма.

в) Терроризм – это исключительно идеологическая абстракция, а экстремизм – метод физической расправы.

г) Терроризм является практическим выражением экстремистского мировоззрения, его крайней формой, рассчитанной на публичный резонанс.

6. Почему явления экстремизма и фанатизма не считаются тождественными?

а) Фанатизм всегда связан с экономикой, а экстремизм исключительно с религией.

б) Экстремизм более широкая категория; в случаях «выгодного» экстремизма участники могут действовать из корысти, не обладая глубокой (фанатичной) духовной приверженностью идеалам.

в) Фанатизм закреплен в законодательстве как уголовное преступление, а экстремизм не преследуется по закону.

г) Фанатизм предполагает принципиальный отказ от применения насилия.

7. Какой подход использует российский законодатель в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ для определения экстремизма (экстремистской деятельности)?

а) Психологический подход, описывающий эмоциональные мотивы преступника.

б) «Перечневый» подход, при котором понятие раскрывается через список конкретных противоправных деяний.

в) Доктринальный подход, формулирующий единое универсальное философское определение.

г) Социологический подход, объясняющий экстремизм через теорию депривации.

8. Какое из перечисленных деяний законодательно относится к экстремистской деятельности согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ?

а) Участие граждан в тайном голосовании на референдуме.

б) Пропаганда исключительности или превосходства человека по признаку его расовой, национальной или религиозной принадлежности.

в) Публичная критика программ парламентских партий.

г) Использование нацистской символики в случаях, когда формируется негативное отношение к нацизму и отсутствуют признаки его оправдания.

9. На какие идеологические доктрины опирается праворадикальный экстремизм?

а) На идеи фашизма, расизма, национал-социализма и ультраконсерватизма.

б) На идеи марксизма-ленинизма, анархизма и маоизма.

в) На доктрины абсолютного пацифизма и мультикультурализма.

г) На идеи построения общества на основе тотальной общественной собственности.

10. Каковы методы и цели экологического экстремизма?

а) Формирование тоталитарной диктатуры для управления природными ресурсами страны.

б) Разжигание межконфессиональной вражды под предлогом защиты природы.

в) Привлечение иностранных инвестиций в экологически чистые производства.

г) Борьба против научно-технического прогресса и конкретных предприятий с использованием нелегитимных методов (диверсии, саботаж) ради спасения природы.

Тема 3.2. Социально-психологические основы экстремистского поведения

1. Какие основные элементы составляют структуру «авторитарной личности», делающей индивида крайне восприимчивым к радикальным идеологиям?

а) Глубокая эмпатия, когнитивная открытость и стремление к диалогу.

б) Конвенциализм, авторитарное раболепие и авторитарная агрессия.

в) Независимость от авторитетов и высокий уровень критического мышления.

г) Абсолютный пацифизм и отказ от использования силы.

2. Как американский социальный психолог М. Рокич определяет феномен догматизма?

а) Когнитивное состояние, включающее закрытые когнитивные системы, авторитаризм и нетерпимость.

б) Процесс взаимного группового сравнения и сдвига к риску.

в) Осознанное стремление к постоянному обновлению своих убеждений.

г) Потребность в принадлежности к референтной социальной группе.

3. Какие два класса человеческих ценностей выделил М. Рокич в своих исследованиях?

а) Традиционные и инновационные.

б) Терминальные и инструментальные.

в) Материальные и духовные.

г) Авторитарные и демократические.

4. В чем заключается когнитивный компонент агрессивности личности?

а) В повышенной раздражительности, вспыльчивости и низком пороге фрустрации.

б) В готовности к совершению актов физической или вербальной агрессии.

в) В привычке интерпретировать нейтральные или неоднозначные действия окружающих как враждебные.

г) В осознанном отказе от любых форм насилия.

5. К каким последствиям, согласно тексту, приводит систематический опыт унижения и попрания человеческого достоинства?

а) Индивид начинает использовать экстремистские стратегии как эмоциональный выход для накопленной злобы и чувства бессилия.

б) Личность полностью отказывается от социальных контактов и погружается в апатию.

в) Человек направляет все усилия на легитимную общественную деятельность и защиту прав других людей.

г) У индивида формируется устойчивое доверие к государственным институтам.

6. *Невозможность удовлетворить какие фундаментальные потребности легитимным путем чаще всего толкает личность в ряды радикальных и экстремистских группировок?*

а) Потребности в эстетическом наслаждении и творческой самореализации.

б) Потребности в принадлежности (аффилиации) и значимости (самоутверждении).

в) Потребности в накоплении материальных благ и физическом комфорте.

г) Потребности в получении престижного образования.

7. В чем состоит суть социально-психологического феномена групповой поляризации?

а) В ходе обсуждения первоначальные мнения участников всегда приходят к усредненному компромиссу.

б) В ходе группового обсуждения первоначальные мнения участников расходятся к противоположным полюсам, становясь более радикальными и экстремальными.

в) Группа немедленно распадается, если у участников выявляются малейшие разногласия.

г) Участники дискуссии добровольно отказываются от своих убеждений, принимая позицию меньшинства.

8. Какой механизм является важнейшим для поддержания иллюзии абсолютного единомыслия и усиления групповой поляризации?

а) Активное привлечение новых участников с альтернативными взглядами.

б) Вытеснение сомневающихся участников на периферию или их полное исключение за пределы группы.

в) Регулярная ротация лидеров радикальной группировки.

г) Открытая публикация всех внутренних споров для широкой общественности.

9. Как осуществляется конструирование образа врага в радикальной группе с культурно-символической точки зрения?

а) Оппоненты наделяются индивидуальными положительными чертами для ведения конструктивного диалога.

б) Враг подлежит уничтожению только после тщательного доказательства его личной виновности.

в) Применяются механизмы стигматизации и язык ненависти, а оппоненты лишаются индивидуальных особенностей и демонизируются на основе жесткой оппозиции «мы – они».

г) Группа стремится найти культурный компромисс и объединить свои идеалы с ценностями противника.

10. Для чего радикальные группировки активно используют готовые субкультурные формы (особый стиль одежды, музыку, сленг)?

а) Для создания прочной внутренней солидарности, оформления своей идеологии и закрепления непреодолимой границы между «своими» и «чужими».

б) Исключительно для коммерческой выгоды и продажи собственной атрибутики.

в) Для более успешной адаптации своих участников к традиционным ценностям старших поколений.

г) Для легализации своей деятельности в рамках официальной государственной политики.

Тема 4.1. Экстремизм в сети Интернет как новая форма поведения

1. Какой термин является наиболее распространенным в научной литературе для описания экстремизма в сети Интернет и обозначает деятельность с использованием информационно-коммуникационных технологий?

а) Цифровой терроризм.

б) Информационный экстремизм.

в) Сетевой радикализм.

г) Электронный вандализм.

2. Какие из перечисленных признаков в совокупности характеризуют экстремизм в цифровом пространстве?

а) Локальность, персонификация, иерархичность.

б) Массовость, трансграничность, анонимность, сетецентричность, интерактивность.

в) Ограниченность аудитории, жесткая цензура, коммерческая направленность.

г) Привязка к конкретной территории, обязательное раскрытие личности, односторонняя коммуникация.

3. В чем выражается трансграничный (экстерриториальный) характер виртуального пространства для распространения экстремистской информации?

а) В строгом соблюдении законов страны, на которую направлена пропаганда.

б) В принципиальном отсутствии географических границ и регистрации подавляющего большинства экстремистских сайтов на зарубежных доменах и серверах вне отечественной юрисдикции.

в) В невозможности использовать иностранные серверы для хранения запрещенной информации.

г) В обязательном получении международных лицензий для создания подобных сайтов.

4. Какую роль на социально-психологическом уровне играет анонимность виртуальной среды для пользователей?

а) Формирует стойкую иллюзию вседозволенности, неуязвимости и полной безнаказанности, выступая мощным катализатором радикализации.

б) Повышает уровень личной ответственности за каждое написанное слово.

в) Способствует развитию глубокого критического мышления.

г) Вынуждает пользователей всегда использовать свои реальные имена для самовыражения.

5. *В чем заключается особенность сетецентричности современных экстремистских формирований?*

а) В наличии строго одного харизматического лидера, контролирующего все ячейки.

б) В жесткой иерархии с вертикальным подчинением.

в) В децентрализации, гибкости и способности мгновенно создавать новые узлы на месте заблокированных.

г) В полной зависимости от конкретных физических мест встреч.

6. Как интерактивность виртуальной среды, по мнению исследователей, меняет роль рядового интернет-пользователя?

а) Он остается исключительно пассивным потребителем информации, как при чтении газет.

б) Он полностью теряет интерес к политическим и межнациональным дискуссиям.

в) Он переформатируется из пассивного потребителя в активного соавтора и ретранслятора деструктивного контента (через лайки, репосты и комментарии).

г) Он получает возможность легально модерировать и удалять любые экстремистские ресурсы.

7. *Как называется процесс, при котором одно деструктивное движение не только предлагает свою идеологию, но и параллельно рекламирует идеи других деструктивных движений, увеличивая тем самым количество подписчиков всех сообществ?*

а) Цифровой саботаж.

б) Информационный вакуум.

в) Перекрестное опыление.

г) Сетевая депривация.

8. Под что экстремистские организации в интернете чаще всего маскируют сбор денежных средств (краудфандинг) для преодоления контроля со стороны государства и банков?

а) Под оплату налогов и государственных пошлин.

б) Под благотворительную и гуманитарную помощь.

в) Под продажу акций крупных государственных корпораций.

г) Под оплату услуг легальных образовательных платформ.

9. Какие форматы контента предпочитают использовать создатели экстремистских материалов для эффективного обхода критического мышления у молодежной аудитории?

а) Научные статьи и монографии.

б) Традиционные многостраничные печатные тексты без иллюстраций.

в) Мультимедийные и креолизованные форматы.

г) Исключительно академические аудиолекции по философии и политологии.

10. Какие технологические приемы применяют злоумышленники для сохранения доступности противоправного контента вопреки блокировкам правоохранительных органов?

а) Добровольное удаление контента по первому требованию платформ.

б) Создание зеркал (копий) сайтов, скрытие контента (стеганография), а также распространение зашифрованных ссылок, ведущих в теневые сегменты сети (Даркнет).

в) Публикация списков своих реальных IP-адресов в открытом доступе.

г) Полный переход на распространение информации исключительно на физических бумажных носителях.

Тема 4.2. Механизмы онлайн-радикализации молодежи

1. Кто становится главным транслятором смыслов для молодежи в процессе киберсоциализации?

а) Традиционные институты воспитания.

б) Сетевые лидеры мнений.

в) Сотрудники специальных служб.

г) Преподаватели и учителя.

2. *Какая особенность формата потребления информации вызывает мгновенный эмоциональный отклик и закладывает базис для некритичного восприятия агрессивных установок?*

а) Изучение длинных аналитических статей.

б) Редуцирование сложных концептов до коротких видеороликов и интернет-мемов.

в) Самостоятельный поиск исторической литературы.

г) Участие в научных дискуссиях на форумах.

3. Какова основная цель модераторов деструктивных сообществ на первом этапе работы с пользователями?

а) Научить пользователя применять сленг и символику движения.

б) Спровоцировать подростка на реальные офлайн-действия.

в) Собрать компромат для последующего шантажа.

г) Убедиться, что профиль принадлежит подростку или молодому человеку, а не взрослому.

4. Для чего модераторы используют чеки о переводах, видео с насилием и интимные сцены на четвертом этапе радикализации?

а) Для создания компьютерных видеоигр.

б) Для повышения рейтинга пользователя на форуме.

в) Для шантажа и жесткого удержания разочаровавшегося подростка в сообществе.

г) Для демонстрации достижений движения в открытом доступе.

5. Как называется переход от виртуальной жизни к реальным действиям в офлайн-пространстве (пятый этап радикализации)?

а) Трансгрессия.

б) Парсинг.

в) Геймификация.

г) Перекрестное опыление.

6. Что представляет собой «эхо-камера» в контексте закрепления успеха радикализации?

а) Открытая площадка для дискуссий с представителями разных политических течений.

б) Замкнутая информационная среда, где сетевые алгоритмы и единомышленники отсекают альтернативные точки зрения.

в) Специальная программа-парсер для выявления девиантных профилей.

г) Механизм фильтрации взрослой аудитории.

7. Какую форму геймификации использовал террорист во время нападения в г. Крайстчерче (Новая Зеландия)?

а) Прямую видеотрансляцию (игровой онлайн-стрим) своих действий в социальной сети.

б) Создание пошаговой стратегии.

в) Использование сцен из шутера Call of Duty.

г) Присвоение баллов своим жертвам.

8. В чем заключается главная особенность «игр в альтернативной реальности» (ARG), применяемых экстремистами (например, проект «Большая игра»)?

а) Игроки соревнуются исключительно на виртуальных форумах.

б) Игровой платформой выступает реальный мир, где выполнение офлайн-заданий приносит баллы.

в) Пользователи играют за вымышленного оппозиционера в виртуальном государстве Новострания.

г) Игроки проходят квесты в компьютерной 3D-стратегии.

9. Каким образом лидеры мнений (инфлюенсеры) выстраивают доверительные отношения с аудиторией перед трансляцией радикальных идей?

а) Вызывая подписчиков на уличные погромы в первом же сообщении.

б) Формируя тесные парасоциальные связи за счет персонализации и создания иллюзии дружеского общения.

в) Ограничивая доступ пользователей к своим видеороликам.

г) Публикуя исключительно строгие и формальные тексты.

10. В чем заключается специфика молодежной радикализации в современных цифровых условиях?

а) В ее скрытом характере, когда деструктивное воздействие маскируется под развлечение, игру и неформальное общение с кумирами.

б) В абсолютной прозрачности и открытости действий вербовщиков.

в) В полном отказе от использования рекомендательных алгоритмов.

г) В обязательном изучении сложной идеологической базы.

Ключи к тестовым заданиям

К тестовым заданиям по теме 1.1. Понятие и основные характеристики сетевого общества: 1 – г, 2 – а, 3 – в, 4 – б, 5 – в, 6 – г, 7 – а, 8 – б, 9 – б, 10 – в.

К тестовым заданиям по теме 1.2. Цифровое пространство (цифровая среда) как социально-правовой феномен: 1 – б, 2 – в, 3 – в, 4 – б, 5 – б, 6 – б, 7 – б, 8 – в, 9 – б, 10 – б.

К тестовым заданиям по теме 2.1. Молодежь как специфическая социально-правовая группа: 1 – б, 2 – б, 3 – в, 4 – а, 5 – в, 6 – г, 7 – б, 8 – а, 9 – в. 10 – г.

К тестовым заданиям по теме 2.2. Цифровая социализация молодежи: 1 – б, 2 – в, 3 – б, 4 – г, 5 – б, 6 – а, 7 – в, 8 – г, 9 – б, 10 – а.

К тестовым заданиям по теме 3.1 Понятие и признаки экстремизма: 1 – б, 2 – в, 3 – б, 4 – г, 5 – г, 6 – б, 7 – б, 8 – б, 9 – а, 10 – г.

К тестовым заданиям по теме 3.2. Социально-психологические основы экстремистского поведения: 1 – б, 2 – а, 3 – б, 4 – в, 5 – а, 6 – б, 7 – б, 8 – б, 9 – в, 10 – а.

К тестовым заданиям по теме 4.1. Экстремизм в сети Интернет как новая форма поведения: 1 – б, 2 – б, 3 – б, 4 – а, 5 – в, 6 – в, 7 – в, 8 – б, 9 – в, 10 – б.

К тестовым заданиям по теме 4.2. Механизмы онлайн-радикализации молодежи: 1 – б, 2 – б, 3 – г, 4 – в, 5 – а, 6 – б, 7 – а, 8 – б, 9 – б, 10 – а.

Учебное издание

Панченко Кирилл Сергеевич,
кандидат юридических наук;
Маслов Иван Сергеевич

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

Учебное пособие

Редактор В.Ю. Калинская
Компьютерная верстка К.С. Панченко

Подписано в печать 28.11.2025. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 7,21
Тираж 70 экз. Заказ № 260

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53